

ДЮЖЕВА

Мужская

ПАРИ

Незабываемый

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Дюжева

Пари с мерзавцем

«Автор»

2022

Дюжева М.

Пари с мерзавцем / М. Дюжева — «Автор», 2022

Наглый, высокомерный, эгоистичный, ненавижу его! Поспорил с другом на меня? Что ж, получай той же монетой! Едва я перевелась, как настроил против меня всю группу? Так даже лучше! Будет ещё легче держаться от него подальше. Во всяком случае, я так думала... Вот только оказалось, что он единственный, кто в силах совладать с мерзавцами, которые повесили на меня неподъёмный долг. Но даже если он меня спасёт, боюсь представить, что попросит взамен...Содержит нецензурную брань.

© Дюжева М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маргарита Дюжева

Пари с мерзавцем

Глава 1

– Спорим, я с ней пересплю? – лениво наблюдал за новенькой, которая только сегодня пришла к нам в группу. – За три дня.

Марк Волшин оценивающе глянул на девушку, которая что-то сосредоточенно писала в тетради, и насмешливо выдал:

– За три? Теряешь хватку. Здесь дел – максимум на два. Застенчивая тихоня. Наши ее сожрут и костей не оставят.

– Никто ее жрать не будет, пока я не скажу.

– Понравилась, что ли?

– Симпатичная. Фигуристая. Задница, как орех. Мне такие кобылки нравятся.

– Как же Ирка? Верховцева с тебя шкуру спустит, если до нее докатятся слухи, что ты опять с кем-то зажигаешь. Орать будет, как в прошлый раз

– Ерунда, – отмахнулся небрежно, – поорет и заткнется. А если ее что-то не устраивает – так я не держу, пусть катится на все четыре стороны.

– Тоже верно. Ты с ней и так долго продержался.

Новенькая тем временем слушала преподавателя и неосознанно грызла кончик ручки. Губы у нее красивые, сочные. Я бы нашел им другое, куда более приятное применение.

– Ну так что? Спорим?

Марк еще раз оценивающе скользнул по девчонке.

– Два дня и ни часом больше. Если не завалишь ее к третьей паре среды – значит, просрал.

– На что спорим?

– На желание, – хмыкнул он, явно придумав какую-то пакость.

– Идет.

Мы пожали друг другу руки.

– Игорь! – Марк позвал сидевшего впереди парня.

– Чего? – тот нехотя обернулся.

– Разбей!

– На что спорите? – тут же заинтересовался Медведев.

– На то, что Мерз до среды вдует новенькой.

Игорь обернулся на девушку, сидевшую в дальнем ряду:

– Ну не знаю... Темная лошадка. Не уверен, что целесообразно тратить свое время на...

– Разбивай давай! Философ хренов! – я цыкнул на него.

Медведев со всей дури тяпнул по нашим рукам, а заодно и по парте. Так громко, что препод обернулся и строго спросил:

– В чем дело?

– Простите, – ухмыльнулся Марк, – производственная травма.

Одногруппники тоже обернулись в нашу сторону: кто-то – недовольно хмурясь, кто-то – с улыбкой, а новенькая – с откровенным любопытством.

У нее большие, выразительные глаза. Серые, светлые, как зимнее небо за окном. Аккуратный, немного пухлый рот и вздернутый носик. Мне понравилась.

Наши взгляды пересеклись, и я подмигнул ей, улыбаясь своей фирменной улыбкой, от которой девки дуреют. Темные, тонкие брови удивленно взметнулись кверху, но взгляд она не отвела. Девочка не из робких, хотя с первого взгляда и не скажешь.

– Если вам неинтересно – можете покинуть аудиторию, – преподаватель продолжал сверлить нас суровым взглядом.

– Простите, – снова покаялся Марк, с трудом пряча улыбку, и мы присоединились к извинениям.

Лекция продолжилась.

Я вполуха слушал препода, а сам краем глаза наблюдал за новенькой. Она старалась, писала, но нет-нет да и поворачивалась в мою сторону, бросая украдкой заинтересованный взгляд. Похоже, это будет даже проще, чем я думал. Легкая добыча.

Едва дождавшись окончания пары, я схватил свою тощую изодранную тетрадь, сунул ее в карман куртки и направился к своей жертве, попутно показывая кулак приятелям, которые начали кривляться, изображая неприличные жесты. Придурки!

Девчонка торопливо складывала в рюкзак свои тетради, ручки и еще хер знает чего. Похоже, в нашей группе стало на одну зубрилу больше.

Одногруппники проходили мимо, бросая любопытные взгляды, но разговаривать с ней никто не спешил. Она держала дистанцию, и это все чувствовали. Правильно Марк сказал – темная лошадка. Группа, словно стая, присматривалась к ней, принималась, пытаясь понять, что она из себя представляет, решая: принять, сожрать или просто игнорировать.

– Привет, – остановился рядом с ней, нацепив самую доброжелательную улыбку из своего арсенала.

Она замерла на миг, а потом медленно обернулась:

– Привет, – кивнула осторожно, рассматривая меня.

Да-да, любуйся, мне не жалко.

– Тебя Аня зовут, верно?

– Да, – легкая улыбка коснулась мягких губ.

– Меня Захар.

– Рада познакомиться.

А уж я-то как рад! Особенно тому, что вблизи она оказалась не хуже, чем издали. Красивая кожа с ровным совсем не зимним загаром, ресницы густые, длинные, маленькие ямочки на щеках, когда она улыбалась.

– Следующая пара у нас в другом корпусе. Если хочешь, могу проводить, – как бы невзначай предложил свою помощь.

Аня колебалась всего пару секунд, потом кивнула:

– Было бы здорово.

В этот момент проходящая мимо нас Ольга Рябова громко выразительно хмыкнула, окатив новенькую презрительным взглядом. Не сомневаюсь, через минуту об этом разговоре узнает Ирка и непременно закатит мне скандал из-за того, что я подкатываю шары к новенькой. Плевать. Я уже в игре, обратный отсчет пошел.

Пока мы брели ко второму корпусу, говорил в основном я. Аня по большей части молчала, сдержанно отвечая на мои вопросы и изредка улыбаясь. Улыбка у нее, кстати, красивая. Тот тип губ, которые взгляд к себе притягивают и словно напрашиваются на поцелуй. Мягкие, наверное, и почему-то мне казалось, что пахнут малиной.

Ничего, проверю. В самом скором времени.

Надо отдать ей должное – не тушевалась, не краснела, как девица не целованная. Даже когда поскользнулась на коварно припорошенном снегом льду и наверняка бы упала, не подхвати я ее вовремя, не начала мямлить, мяться. Только усмехнулась, поправила шапку, съехавшую набок, и дальше пошла, ненавязчиво высвободившись из моих рук.

На следующей паре я сел рядом с Аней. Взглядом парням, да и остальным, показал, что если сунутся – загрызу.

Медведев что-то сказал Марку, и оба пошло заржали. Рябова уткнулась в телефон и яростно строчила, то и дело сердито поглядывая в мою сторону. Явно донос стряпала, во всех красках расписывая подруге, какая я скотина. Плевать, пусть рассказывает. Если Ирка настолько глупа, чтобы выставить претензии, то это ее проблемы. Я не ее собственность, и «долго и счастливо» с ней не планировал. Надеюсь, она это понимает. Хотя вряд ли. Слухи доходили, что она треплется, будто летом после выпускного мы с ней поженимся.

Хер. Большой, лохматый, с бычьими яйцами. После выпускного я уезжаю к отцу в Питер. Меня уже ждет новая работа, новая жизнь, и я утоплю любого, кто попытается встать на пути к заветной цели.

– Мерз, ты курсовую принес? – гаркнул Игорь на всю аудиторию.

– Забыл.

– Ну ё-мое! Мой вариант только у тебя. У кого я теперь списывать буду?

– У кого хочешь, – отмахнулся от приятеля и к снова обернулся к Ане.

– Мерз? – озадаченно переспросила она.

– Меранов Захар – сокращенно Мерз, – почтенно кивнул.

– А я подумала, что это сокращение от мерзавца.

Не без этого, но девочке Ане вовсе не обязательно знать об этом.

– Где преподаватель? – она выразительно посмотрела на часы. – Забыл о нас?

– Не переживай, придет. Николаич вечно задерживается.

– Ждем пятнадцать минут и уходим? – улыбнулась девушка, а я невольно улыбнулся в ответ:

– Не выйдет. Пробовали несколько раз сбежать – этот гад всегда появлялся на тринадцатой минуте.

– Продуманный мужик.

– Хитрожопый, – я подмигнул ей.

Аня снова улыбнулась и немного смущенно опустила взгляд в тетрадь. Я продолжал ее рассматривать, уже прикидывая, как будут смотреться ее волосы, намотанные на кулак. Как она будет кусать губы и закатывать глаза.

Я ей нравился. Это было видно невооруженным взглядом, сквозило в каждом жесте. В том, как она заправляла за ухо прядь темных волос, как неосознанно прикусывала нижнюю губу, как щеки заливал нежный румянец, когда смотрела на меня. Флиртвала аккуратно, ненавязчиво, а я подыгрывал, делал вид, что поддаюсь. Пусть думает, что одного взгляда не нее хватит, чтобы потерять голову.

Весь день крутился рядом с ней, оказывал внимание, старался быть заботливым, внимательным. Прямо мальчик-зайчик. Парни угорали. Я только исподтишка грозился придушить их. Хотя самому было весело. Анька велась, млела, заманчиво краснела и, казалось, не замечала никого, кроме меня.

Нежная, славная девочка-мотылек, попавшая в паутину циничного паука. Мне было не стыдно, не жалко. Осипова оказалась слишком плоской, неинтересной. Слишком сдержанной, слишком правильной, предсказуемой. Уверен, в ее воображении мы уже шли рука об руку к алтарю, и я, как истинный принц, преклонял колено пред ее красотой. Скучотень. На самом деле принц просто собрался хорошенько потрахаться. Разок – другой и идти дальше по своим делам, а что там потом будет с несостоявшейся принцессой, ему нет никакого дела.

...Вечером мы с ней вели активную переписку. Она писала, что лежит в кровати, читает новости и думает обо мне, а я писал, что грущу, смотрю в окно на звезды и в каждой вижу отражение ее глаз. На самом же деле мы с парнями отрывались в боулинге. Я выбивал страйк за страйком и попутно писал ей всякую романтическую хрень.

– Как дела с новенькой? – поинтересовался Волшин, наблюдая за тем, как я морщусь, пытаясь в жутких потугах родить очередной ванильный сгусток глупостей.

- Нормально.
- Успеешь? У тебя один день остался.
- Успею. Она уже тепленькая, уши развесила, потекла.
- Проверил? – загоготал он.
- По глазам вижу.
- А мне кажется, что она неженка-недотрога. – встрял Игорь, – ей прогулки под луной нужны и серенады под окном.
- Да плевать, чего ей там нужно, у меня свои планы.
- И дольше чем на два дня она в них не задержится.

Следующий день был решающим. Я во что бы то ни стало должен завалить новенькую. Поэтому с самого утра был галантным, веселым, внимательным, что очень утомительно, учитывая то, как прошла моя ночь – веселье на всю катушку и три часа на сон. Обычно после такого я злой и угрюмый, как собака Баскервиль, но приходилось напрягаться, строить из себя сахарного принца, потому что сроки поджимали. Парни ржали и многозначительно переглядывались, Рябова по-прежнему строчила доносы своей подруге, а новенькая смотрела на меня со щенячьим восторгом в глазах.

В общем, с утра я был с ней на всех парах. Днем утащил ее в маленькую кафешку при универе. А вечером пригласил погулять.

Аня согласилась.

Мы гуляли, я нес какой-то откровенный бред, она глупо над ним смеялась и краснела от каждого взгляда на мои губы.

Я в это время прикидывал, где лучше ее хорошенько «выгулять». Ехать ко мне – не вариант. Я к себе девок никогда не водил и не собирался. Тащиться к ней в общагу – тоже сомнительное удовольствие. Там знакомые на каждом шагу – не отвяжешься.

– Давай в универ зайдём? – дыхание на морозе клубилось белым облаком.

Анька шмыгнула покрасневшим носом и удивленно спросила:

– Зачем?

– Я забыл тетрадь.

– Завтра заберешь, – девушка беспечно пожала плечами.

– Мне надо подготовиться.

Что за бред я нес? Неужели поверит?

– Хорошо, – покорно согласилась. Поверила. Вот простофиля! – Как нас пустят? Уже восемь вечера.

– Последняя пара еще идет, секции работают. Так что вечерняя жизнь в универе бурлит, – отозвался я и бесцеремонно взял девушку за руку. Заметив ее удивленный взгляд, галантно пояснил: – Там скользко.

Рыцарь, мать вашу.

Мы дошли до главного корпуса и проскочили к центральной лестнице мимо охранника, занятого беседой с третьекурсницами.

– Где ты ее оставил?

– В кабинете. У заведующего кафедрой.

– Так все закрыто, наверное... – Аня с сомнением взглянула на меня.

– У меня есть ключ.

– Ключ?! Откуда?!

– Не спрашивай.

Рассказывать о том, как у меня появился дубликат ключа от кабинета одного из заведующих, я не собирался. Это мое личное дело, и посвящать в него едва знакомую девицу не было ни малейшего желания.

Лифт не работал, поэтому пришлось подниматься пешком на пятый этаж. Аня запыхалась, расстегнула куртку, стянула шапку, и ее шоколадные волосы шелковой волной легли на плечи, отчего хрен у меня в штанах радостно дернулся.

На этаже горел тусклый свет. Все аудитории закрыты, и ни одного человека.

– Сюда, – подвел ее к двери, на которой красовалась табличка «Заведующий кафедры такой-то». Пока я шурушал ключом в скважине, Аня стояла рядом и нервно озиралась по сторонам. – Заходи, – я пропустил ее вперед, сам вошел следом и бесшумно прикрыл дверь.

Девушка сделала несколько шагов в темноту, остановилась, прислушалась.

– Свет включи, а то долго будем твою тетрадь искать, – прошептала она, не оборачиваясь.

От ее тихого, хриплого шепота у меня волосы на загривке поднялись.

– А мы сюда разве за тетрадью пришли? – со спины вплотную к ней подошел и прошептал, склонившись к уху.

– Зачем же тогда? – Аня медленно обернулась.

В глазах горели завораживающие отблески уличных фонарей. Хотя я с ней и на спор, но внезапно захотелось поцеловать.

– Ты знаешь... – склонился, едва касаясь своими губами ее.

Малина. Сладкая. Дурманящая. Сводящая с ума.

Аня замерла, задержала дыхание, но не отступила. Невероятно, но я слышал, как бешено бьется ее сердце, чувствовал, как вся она гудит, словно натянутая струна.

– Захар, – начала было она, но я не дал договорить.

Зарылся руками в волосы и к себе притянул, впиваясь в мягкие губы поцелуем. Девушка задрожала, подалась навстречу и обвила мою шею руками. Попалась. Марк может утереться. Только в данный момент мне было плевать на спор. Кровь в жилах закипела, и я уже не мог ни о чем думать, кроме гибкого тела в своих руках. Подхватил ее за задницу и усадил на стол заведующего кафедры.

– Я... – она задышалась, – это неправильно.

Плевать мне на правила. Хочу ее здесь и сейчас. Ни на миг не отрываясь от сладких губ, буквально вытряхнул ее из джинсов. Подтянул к себе ближе, прижимая к себе, давая почувствовать, насколько возбужден.

– А если кто-то... Ох...

Это я до груди ее добрался. Кофту задрал, лифчик книзу сдернул и припал губами к острому, напряженному соску. Девушка выгнулась в моих руках с тихим стоном, открываясь навстречу. У меня аж в голове зашумело. Ведьма! С трудом справился с ремнем на брюках, кое-как вытащил из заднего кармана пакетик с презервативом.

– Захар, ты уверен...

Да уверен я, уверен! Снова к себе подвинул, членом поводил по мокрой промежности и одним толчком погрузился внутрь.

Зашибись!

Анька задрожала, выгнулась и, по-моему, сразу кончила. Отзывчивая, зараза. Давно у меня такого не было. Трахал ее в полном молчании, и с каждым мигмом все больше хотелось. В голове ни одной мысли, вся кровь стекла ниже пояса. Аня сдерживаясь изо всех сил, цепляясь за мои плечи, жадно трогая грудь, живот, ловя каждое движение. Иногда с губ все-таки срывались стоны, но я ловил их поцелуем.

По венам бежал чистый адреналин. В универе, на столе жестокого препода, с девчонкой, на которую поспорил, и о которой завтра даже не вспомню. Огонь! Внутри, снаружи, вокруг нас.

Трахал, как ненормальный, и от каждого движения ловил дикий кайф. Даже если бы сейчас кто-нибудь ворвался в кабинет, я бы не смог остановиться.

Внезапно Осипова уткнулась мне в грудь и глухо зарычала, впиваясь острыми, как у кошки, когтями в мое бедро. Я почувствовал, как она сжимает мой член внутри себя, сильно, почти до боли, и не мог больше держаться. Еще несколько движений, несколько толчков – и вспышка острого удовольствия в паху.

Едва дыша, замерли, цепляясь друг за друга, пытаюсь прийти в себя.

– Спасибо, – Аня нежно поцеловала меня в губы и отстранилась.

Я чуть не ляпнул «не за что, приходи еще», но вовремя прикусил язык. Не то чтобы я страдал джентльменскими порывами и романтической хренью, просто скандалить прямо сейчас не было никакого желания – внутри приятная дрожь, на губах все еще ее вкус.

Пусть девочка порадует... До завтра. А там я ей объясню, что к чему.

Глава 2

– Привет, Анют, – весело проворчала Аллочка.

Алла – двоюродная сестра моей матери, работала в универе секретарем на одной из кафедр. Умом она никогда не блистала, ответственностью не отличалась, на работу то и дело приходила с опозданием. Поговаривали, что она спит с проректором по науке, поэтому всем приходится смотреть сквозь пальцы на ее выходки. Именно она подергала за нужные веревочки, когда встал вопрос о моем переходе в другое учебное заведение. Помогла перевестись быстро и без геморроя и выбила блатную – без соседей – комнату в общежитии.

– Все хорошо, тетя Алла, – усмехнулась я, усаживаясь напротив нее.

– Ань, ну сколько можно? Я просила не называть меня тетей! – возмутилась она. – Я всего на семь лет старше тебя!

– Мне просто нравится, как ты сердишься.

– Зараза, – беззлобно ухмыльнулась она, – принесла документы?

– Да, – я передала ей конверт, в котором лежали недостающие бумаги.

Родственница все проверила и удовлетворенно кивнула:

– Ну все. Теперь ты официально зачислена. Не знаю, зачем тебе потребовалось срываться с места за полгода до окончания учебы, но добро пожаловать.

– Спасибо.

– Так почему ты перешла? – тетя всегда была очень любопытной.

– Просто поняла, что больше не хочу учиться там. Не мое.

– А здесь твое?

– Понятия не имею. Но дело сделано.

– Чудная ты, Анька. Смелая на всю голову, – по ее интонации сложно было понять, ругает она меня или восхищается.

– Что есть, то есть.

– Как тебе группа?

– Группа, как группа. Ничего особенного, – я плечами пожала.

Аллочка посмотрела на меня слегка удивленно.

– Нормальная? – вскинула татуированные брови. – Это ты про собрание этих сволочей?

Тут пришла моя очередь удивляться:

– Сволочей? Ни одной не заметила.

– Это самая сложная группа во всем универе. Преподы ждут не дождутся, когда все они защитятся и свалят в светлое будущее.

– Да? Мне они показались довольно приятными.

Особенно один из них. Красивый обходительный парень, с глазами цвета стали.

– Ключевое слово – показались, – безжалостно отрезала Алла, – костяк в ней неизменный, но после первого курса вылетело трое. К ним несколько раз пробовали добавить новичков, чтобы закрыть состав, но всех сжирали. Смогла удержаться только одна девчонка. Отличница, по конференциям бегают, наукой занимается. Дает всем списывать. Поэтому и не тронули. Всех остальных выжили. Кого подставили, кого просто смяли... Что ты хмыкаешь? Я тебе вещи серьезные рассказываю! – возмутилась она.

– Ерунда какая-то. Если бы они действительно были такими, их бы вызвали на ковер к ректору и хорошенько пропесочили, – именно так делали в прежнем универе с зарвавшимися студентиками.

– Поверь, их проще допинать до защиты и выпустить, чем перевоспитать.

– Ладно, допустим, что-то такое есть. Но зачем ты мне эти ужасы рассказываешь? Да еще с таким зловещим видом? – подозрительно глянула на тетушку.

– Затем, что я тебя знаю, – жизнерадостная Алла больше не улыбалась. – Я не шучу, Ань. Однотруппники могут чертовски сильно осложнить тебе жизнь. Не нарывайся. Полгода отсиди тихо – и будет тебе счастье.

– Да ну тебя.

– В общем, я предупредила, а дальше решай сама. Ты девочка большая, самостоятельная. Справишься.

– Конечно, справлюсь, – я поднялась с протертого стула, – ладно, мне пора бежать, тетушка Алла. Скоро пара начнется. – Она зашипела и кинула в меня карандашом, а я с хохотом выскочила за дверь, едва не свалив с ног бедного преподавателя. – Простите! – прокричала уже на ходу и припустила к лестнице. Мне нужно было на третий этаж.

Если честно, то я не поверила словам родственницы. Обычная группа. Ничего особенного. Не думаю, что у меня с ними будут проблемы.

Хотя...

Одна уже есть.

И в этой проблеме я виновата сама.

Тот парень. Захар. Со смешной кличкой Мерз. О был так мил, так обходителен, так нежен и одновременно не сдержан. Такой хороший, внимательный.

А я его использовала.

Мне просто хотелось секса. Без обязательств, без долгих прелюдий и романтической чепухи, без отношений. Я просто устала из-за переезда и перевода, и хотела расслабиться.

Расслабилась. Но вместо облегчения получила беспокойную совесть.

Нельзя так. Неправильно.

Вдруг он влюбился? Что тогда делать?

В общем, решила, что честнее будет во всем признаться и поставить точку прямо сейчас. Пока наши недоотношения не зашли слишком далеко и не причинили бедолаге боль.

Моя новая группа стояла на третьем этаже возле одной из аудиторий. Кто-то разговаривал и смеялся, кто-то копался в телефоне, кто-то со скучающим видом прохаживался туда-сюда. Ну и что в них такого особенного? Группа, как группа. Ничем от других не отличается.

Захара я увидела издали. Он стоял возле окна со своими приятелями. Темноволосый – Марк. Рыжий, конопатый – Игорь. Во рту пересохло, дыхание перехватило, и сердце громыхало, как ненормальное, пока я шла к ним, не отрывая взгляда от широкой спины. Не люблю я такие разговоры. Очень не люблю.

– Захар, привет! – подскочила к нему. – Нам надо поговорить.

Услышав мой голос, он замер, а потом медленно обернулся. От его взгляда в груди тревожно забило сердце. На красивых губах не было приветливой улыбки. Ухмылка. Холодная, циничная. В серых глазах – бескрайний океан льда:

– Ну, привет, новенькая.

– Эммм... все в порядке? – спросила неуверенно я.

– У меня – да. У тебя – понятия не имею, – равнодушно ответил парень.

Я его не узнавала. Будто кто-то другой поселился в теле человека, который еще вчера казался очаровательным, внимательным и нежным.

– Что-то случилось? – я сделала еще одну попытку разобраться в происходящем, но Мерз в ответ лишь вскинул темную бровь и ухмыльнулся.

У меня аж зубы заломило от нехороших предчувствий.

«Они сволочи, Ань. Сволочи» – весьма некстати в памяти всплыли слова Аллочки.

Я растеряно осмотрелась по сторонам. Большая часть группы была занята своими делами и не обращала на нас никакого внимания. Но закадычные друзья Меранова, не скрываясь, наблюдали за нашим разговором.

Под их взглядами было ощущение будто иду мимо стаи диких собак. Я подобралась и силным от волнения голосом произнесла:

– Захар, нам надо поговорить. Срочно.

– О чем?

– Это личное.

– Личное? – наигранно удивился, – у нас с тобой разве есть что-то личное?

– Захар....

Я была обескуражена, растеряна и не понимала, какая муха его укусила.

– Она, наверное, о том, что было вчера, – встрял Марк. – о том, как ты ее на столе...

Какого хера???

– Это что? – кивнула в сторону Волшина.

– Ничего особенного, – Меранов пожал плечами.

– Ты обо всех своих похождениях ему рассказываешь?

– Нет. Только о тех, которые на спор.

– На спор?

Его слова, как обухом по голове.

Этот мерзавец поспорил на меня? На то, что трахнет по-быстрому новенькую? Вот скотина! И ведь как хорошо сыграл! Я ничего не заметила, не почувствовала. Еще металась, переживала, думала о том, как бы его не обидеть. Дура!

И что теперь делать?

Здравый смысл нашептывал: молчи, Аня. Молчи. Пусти слезу, закричи «как ты мог???» и уйди. Так будет проще. Так будет правильно. Пусть утрется свои спором. Порадуется своей никчемной победе и отвалит. Тебе нет никакого дела до этого мерзавца. Перешагни и иди дальше.

Я почти созрела так поступить, но...

Наши взгляды пересеклись и у меня внутри что-то щелкнуло, разбилось с тихим звоном.

Вместо того, чтобы убежать, я подступила к нему и крепко обняла. Мерз напрягся, моментально превращаясь в каменное изваяние.

– Слава Богу. Это лучшая новость за сегодняшний день, – смачно поцеловала его в щеку, оставляя на коже след от розового блеска, – я уж подумала, что ты в меня влюбился. И не знала как от тебя отделаться. Спасибо, дорогой.

Едва сдерживая ядовитый сарказм, ласково потрепала его по небритой щеке.

Захар перехватил мою руку и с силой сжал запястье. Я даже бровью не повела. Смотрела на него и беспечно улыбалась, краем глаза замечая, как остальная группа разворачивается в нашу сторону.

– Что за бред?

– Почему бред? Переезд, перевод, устройство на новом месте. Я просто устала и хотела скинуть напряжение, – чистая правда. Ни слова вранья, и Мерз это почувствовал.

Никогда в жизни еще не видела, чтобы так быстро менялись глаза. Секунду назад были цвета стали, а потом – бах! И темнее грозовой тучи.

Разозлился.

– Вот это поворот, – изумленно присвистнул Игорь.

– Что такого? Я хотела – я получила. Все просто, – снова обернулась к Захару, – Только боялась, что ты влюбился и плакать будешь, когда дам от ворот поворот. Но видишь, как все здорово сложилось. И развлеклись, и спор выиграл. Надеюсь, что-нибудь полезное? – трудно улыбаться, когда внутри все кипит, но я справилась. Выдержка у меня отменная. Главное, чтобы пар из ушей не повалил.

– И ты, значит, решила «отдохнуть» именно со мной? – у него тоже выдержка неслабая, но желваки на скулах выдавали истинное состояние.

Мерз был в ярости.

И снова у меня был шанс заткнуться, и снова я им не воспользовалась:

– Спрашиваешь, почему именно ты? – теперь моя очередь цинично ухмыляться, – да потому что, ты оказался самым доступным. Как бургер в общепите. По щелчку, в полной боевой готовности. Бери – не хочу. Да еще и сам лип, как банный лист к заднице. Грех не воспользоваться. Прости, если оскорбила твои возвышенные чувства, – закончила с притворным сочувствием.

Кто-то из группы ахнул, остальные ошалело притихли, а Мерз впился в меня таким взглядом, что, казалось, будто кожу живьем сдирает.

– Ну-ну, Меранов. Не стоит так нервничать. Ты тоже не в накладе остался, – подмигнула ему и с улыбкой пошла в аудиторию, чувствуя, как на меня все смотрят.

Молодец, Анечка. Ты только что получила смертельного врага. Он этого не простит.

Пара была сдвоенной. Три с половиной часа монотонного бубнежа.

Я сидела на первой парте самого крайнего ряда и изо всех сил делала вид, что мне интересно, что эта лекция – лучшее, что могло произойти в моей скудной на события жизни. На самом деле внутри кипел сумасшедший коктейль.

Обида. Куда же без нее. Да и как-тут не обидеться, когда на тебя в наглую спорят?

Злость. По той же причине. Я уже придумала десяток способов отомстить – начиная от физической расправы, заканчивая изощренными моральными пытками.

А еще страх. Напряжение такое, что кишки сводило. Потому что это – только начало. Дальше будет хуже. В глазах у Мерза я прочла обещание жестокой расправы.

Я боялась не его. Видала и пострашнее. Боялась того, что моим мечтам о спокойной жизни придет конец, а ведь именно за эти сюда приехала.

Сидела, писала за преподам, а по спине скользили чужие настороженные взгляды, доносились обрывки фраз, брошенных шепотом. Группа насторожилась, притихла.

Пока. До тех пор, пока мерзавец не отдаст команду «фас». Черт. Не хочется-то как. Лучше бы смолчала. Пять минут позора и дальше с поднятой головой. А теперь что?

За десять минут до конца пары в аудиторию заскочил взъерошенный первокурсник.

– Осипова кто? – гаркнул, как петух на заборе.

– Ну я, – отозвалась настороженно.

– В канцелярию! – и убежал.

Преподаватель, поймав мой вопросительный взгляд, утверждающе кивнул, отпуская. Я торопливо покидала в рюкзак свое барахло и выскочила из аудитории, чувствуя, как меня провожают холодными взглядами. Аж передернуло.

– Ань! – ко мне подскочила Аллочка, – нужна твоя подпись. Здесь, здесь и здесь. Натыкала наманикюренным пальцем в бумагу.

– Что это? Завещание? Или почку свою передаю в пользу науки?

– Ха-ха. Смешно. И где только таких шутниц делают, – проворчала она, – Подписывай. Я подсуетилась и всунула тебя в одну программу. Прибавка к стипендии не помешает.

– Обожаю тебя! – поставила размашистую подпись в нужных местах. – все? Могу идти?

– Да, – согласилась Алла, но спустя миг нахмурилась, – у тебя все в порядке?

– С чего такие вопросы?

– Когда уходила была бойкая и звонкая, а сейчас ты нежно зеленого цвета.

– Не преувеличивай.

– Даже не думала. Так что стряслось?

Я невесело усмехнулась:

– Ничего. Просто ты была права. Они – сволочи.

Один-то точно, но чувствую, что и остальные на подходе.

– Ань, – простонала она, – я же просила! Неужели так трудно было сидеть тише воды, ниже травы?

Я только плечами пожала.

– С кем хоть сцепилась? Небось, лопатой поправила корону одной из местных королев?

– Не совсем. Скорее королю, – промямлила смущенно, и видя встревоженный взгляд, пояснила, – с Мерановым накладка вышла.

Она подавилась и закашлялась, да так что слезы из глаз побежали.

– Шутишь? – хрипела она, пока я дубасила ее ладонью по спине.

– Если бы...

– И что не поделили? Ты наступила ему на любимую мозоль?

– Почти. Я с ним сначала переспала, а потом выставила посмешищем на глазах у всех.

Алла замолчала. Тихо села на стул, подперла щеку кулаком и смотрела на меня огромными-преогромными грустными глазами.

– Анечка, – наконец, выдала шепотом, – тебе конец. Он у них, как царек. Шерхан, а все остальные – его верные шакалята.

– Я уже поняла.

– Поняла? – прошипела она, – лучше бы ты мои слова поняла! Когда я говорила, чтобы ты сидела ровно на своей упрямой попе и ни с кем не связывалась!

– Поздно, Алл. Это уже произошло. Так что, – печально развела руками, – буду действовать по ситуации. Надеюсь, он...

– Ты действительно с ним переспала? – Алла все никак не могла поверить в реальность происходящего. Заметив мой утверждающий кивок, тотчас вскинулась, – зачем??? И почему именно он???

– Настроение такое было. Хотелось очень. А он миленьким показался.

– Миленьким? Хотелось? Мало тебя мать порола. Ох, мало! Ремнем армейским надо было! С пряжкой! Чтоб сидеть не могла неделю. Месяц! Хотя можно и сейчас этот пробел восполнить. Чтобы не лезла куда не следует. Хотелось ей!

Лезть куда не следует – мое призвание. Тут уж пори—не пори все равно ничего не изменишь. Если рядом возникает место, в которое лезть нельзя, то я непременно туда залезу. Можно не сомневаться.

– Ладно, не ворчи. Разберусь.

– Как ты разберешься? Меранов тебе теперь жизни не даст.

Вспомнились глаза цвета грозовой тучи. Красивый парень, и трахается здорово, но мерзавец до мозга костей. Не зря такую кликуху заработал. Зубы свело от дурных предчувствий, но я смогла ободряюще улыбнуться родственнице:

– Не переживай. Я справлюсь. Обещаю.

Сама я в свои обещания не верила, и чем дольше думала, тем четче понимала, что меня ждут очень долгие и сложные полгода.

Глава 3

Мое следующее утро началось с дерьма. В прямом смысле этого слова. Какой-то козел подкинул под дверь собачью кучу, и поскольку в этой комнате я жила одна, то сомнений в том, кому было адресовано послание, не возникло.

Я вышла. Не заметила. Наступила. Кучка расплющилась под моим сапогом, и в воздухе поплыл дивный аромат.

– Твою мать, – прошипела, разглядывая испачканную обувь.

Какая гадина принесла это?! Вот не лень же так заморачиваться! Это надо было найти, взять, принести. Какой идиот этим решил заняться? Или идиотка?

Одно я знала наверняка – это не Мерз. Не его уровень ползать по сугробам в поисках собачьего дерьма. Да и к моим дверям ради такого дела он с утра пораньше точно не попрет. Значит, кто-то из шакалят подсуетился, чтобы порадовать своего кумира. Знать бы еще кто. Полгруппы живет в общежитии на пару этажей ниже. Любой мог.

Где-то вдалеке слышались шаги и голоса, от которых меня пробил холодный пот. Местная комендантша, которую все звали Анфисой, просто зверь. Если она застанет меня в такой ситуации – пиши пропало. Весь этаж заставит драить, да еще и в ректорат жалобу накатает. Поэтому, прыгая на одной ноге, я заскочила обратно в комнату.

Бесит!

В очередной раз пришла к выводу, что вчера надо было просто смолчать. Пусть бы ржали себе. С меня бы не убыло. Через полгода наши пути разойдутся, и я даже не вспомню про них, а теперь уже поздно отступать. Сказала «а», придется говорить «б».

Но это позже. Сначала надо отмыть сапоги.

Задержав дыхание и преодолевая отвращение, очистила и отмыла обувь, запихала в пакет придверный коврик, хранивший остатки идиотской каверзы, и пошла на занятие, безнадежно опаздывая.

Когда я, злая и запыхавшаяся, ввалилась в аудиторию, слышались смешки.

– Как ваша фамилия? – на мое появление незнакомый преподаватель отреагировал весьма прохладно.

Покосившись на собравшихся, я сипло ответила на вопрос:

– Осипова.

Он поставил жирный восклицательный знак в журнале напротив моей фамилии, а потом сурово произнес:

– Вы в курсе, что лекция началась пятнадцать минут назад?

– Да. Простите.

– И что же вас задержало? – на мои извинения ему глубоко наплевать, он явно из тех, кто любит докопаться публично.

Смешки стали громче. Девушки, сидевшие у окна, веселились, перешептывались, бросали на меня ехидные взгляды. Сучки. Интересно, которая из них в дерьме копалась?

Парни, ухмыляясь, рассматривали меня как нечто забавное, вызывая стойкое желание послать подальше.

Мерз сидел на дальнем ряду, привалившись спиной к стене, и в их сторону даже не смотрел. Как и в мою. Делал вид, что меня не существует.

– Обстоятельства непреодолимой силы, – кое-как улыбнулась, поправив сумку, сползавшую с плеча.

– Что за обстоятельства? Смелее. Нам же всем интересно.

Сволочной препод. Девушки засмеялись еще громче.

– Ну же. Мы ждем, – ни тени улыбки.

Плевать.

– Вам правду или соврать?

– Пожалуй, хотелось бы услышать правду. Сказок от студентов я уже предостаточно наслушался.

– Представляете, я обнаружила у себя под дверью кучу собачьего дерьма.

Темные брови удивленно поползли кверху. Такой правды он точно не ожидал. Группа притихла, девки перестали ржать, а Мерз, наконец, хмуро посмотрел на меня.

– И откуда же оно там взялось?

– Есть пара предположений. Если вам так интересно, могу озвучить, – беспечно отозвалась я и начала показательно загибать пальцы: – Первый вариант – инопланетяне. Да, согласна. Глупо. Второй вариант – в общагу забежала бестолковая плешивая псина. Сучка, скорее всего. У которой либо недержание, либо она настолько тупа, что гадит, где попало.

Одногруппники помрачнели, понимая, что это выпад в их адрес.

– Но это еще не самый плохой вариант.

– Разве может быть хуже? – по-моему, я все-таки смогла заинтересовать сурового препода. Или он действительно проникся, или еще ни разу не слышал такого бреда.

– Запросто. Например, какая-то ненормальная, которая вместо того чтобы спать спокойно, с утра пораньше вышла на мороз, накопила собачьего добра и, трепеща от восторга, в дрожащих ладошках принесла его в общагу, чтобы сделать гадость. Мне-то плевать – перешагнула и пошла дальше, – притворилась, будто удалось избежать встречи с подарочком, – а вот она теперь этими руками ест, красится, глаза трет, подружек обнимает, с молодым человеком за ручку ходит. Отвратительно, правда?

Краем глаза заметила, как рыжая девица поспешно отдернула руки от лица. Слабачка. Уж если сделала гадость – стой до последнего. Не пались.

– Представляете? Вот так живешь, общаешься с человеком, сидишь с ним за одной партой, а у него, оказывается, хобби – в собачьем дерьме копать, а потом из-под наращённых ногтей его выковыривать...

На миг прямым взглядом впиалась в одногруппницу и, презрительно поджав губы, отвернулась. Снова слышались смешки. В этот раз явно смеялись не надо мной. Рыжая покраснела и сердито уткнулась в тетрадь, нервно чирикавая в ней ручкой.

– В общем, вот такая история. Хотите – верьте, хотите – нет, но среди нас бродит матерый ассенизатор.

– Садитесь, – прохладно отозвался преподаватель, никак не прокомментировав мой рассказ, – опоздаете еще раз – будете ждать за дверью.

– Спасибо.

Теперь в аудитории стояла тишина. Девушки больше не смеялись.

В груди все перевернулось, когда заметила, что Мерз задумчиво наблюдал за мной, чуть склонив голову набок. По темному взгляду ничего нельзя было разобрать. Я ему подмигнула и села на свободное место, прямо напротив преподавательского стола. А что мне еще оставалось делать?

– Эй, новенькая! – послышалось с соседнего ряда, когда начался перерыв, и преподаватель вышел из аудитории.

Я продолжала рисовать цветочки на полях, меланхолично подпирая щеку рукой.

– Новенькая, – не унимался Марк. Я снова проигнорировала. – Осипова! Аня!

Только после того, как он позвал меня по имени, я со вздохом положила ручку и обернулась к нему. Волшин сидел через парту от меня и светился гадкой улыбкой.

Начинается...

– Хочешь бутерброд? – прозвучало пошло и двусмысленно. Морда симпатичная, наглая. Когда-то мне такие нравились, но не сейчас. Слишком много пафоса, слишком мало содержания. – Я сегодня самый доступный, – козленок продолжал глумиться под смех одноклассников, – готов побыть твоим бургером.

Я хмыкнула и прошлась по нему оценивающим взглядом. Сверху вниз. И обратно. Досадливо поморщилась. Еще раз посмотрела. Под этим взглядом гадкая ухмылка на губах парня немного померкла.

– И где тут бургер? Максимум беляш, а то и вовсе пирожок. С капустой.

– Обижаешь, – снова усмехнулся он, но улыбка вышло кривой.

– Еще даже не начинала.

Парень хмыкнул.

– Ты наглая.

– Да, – взгляда не отвела.

– Так сразу и не заметишь.

– Заметишь, если нормально смотреть.

– Кусаться любишь?

– Люблю. И кусаться, и царапаться, и пинаться, – снова согласилась с ним, – еще гениальные изречения будут?

Черт. Как меня бесит пристальный взгляд Мерза! Парень ничего не говорил. Молчал. Отстраненно наблюдал за нашей перепалкой. Рассматривал меня холодным, как арктические льды, взглядом. На секунду задержала свой взгляд на его лице и отвернулась, чувствуя неприятное давление внутри. И весьма некстати воспоминания нахлынули. Жаркие, постыдные, отдающиеся дрожью в ногах. Хорошо, что я давно разучилась краснеть, иначе по моей пунцовой физиономии он бы все мигом понял.

– Я не против, чтобы ты меня поцарапала, – не унимался Марк, вызывая глухое раздражение.

Тоже сучонок, но другой. Шумный, громкий, без царя в голове. Любит красоваться, работать на публику. С таким надо держать ухо востро и крепкое словечко за пазухой, но по сравнению с мрачным и закрытым Мерзом – он безобиднейший милейший парень.

– М-да. Сама гениальность, – разочарованно отвернулась от него и снова уткнулась в тетрадь.

Чужие взгляды нервировали, резали по нервам, били током. Смотрел Волшин, смотрели девичьи у окна, смотрел Мерз. Все смотрели. И ни в одном взгляде не чувствовалось тепла. И как дальше жить? Полгода среди голодной стаи... Не об этом я мечтала, когда из столицы уезжала.

– Так что с моим предложением? – снова вклинился Марк.

– Прости, дорогой. Мне, конечно, тебя очень жаль, но благотворительностью не занимаюсь, – глянула на него сочувствующе и наигранно грустно вздохнула, – не расстраивайся. Подрастешь – будет и на твоей улице праздник.

Марк заткнулся. Рыжий Игорь рядом с ним заржал. А мне так тошно стало, что хоть вставай и уходи с лекции. Эта дурацкая перепалка была мне совсем не по душе. Глупо. Некрасиво. По-детски. Но, похоже, это беспокоило одну меня.

Волшин смог помолчать ровно две минуты, а потом снова пристал ко мне:

– Осипова!

Да ё-моё! Он когда-нибудь заткнется?!

– Ну что тебе, горемычный?

– Я тебе кличку придумал.

– Вот это ничего себе! – восхищенно посмотрела на него, приложив руку к груди. – Рассказывай скорее. Мне же так интересно!

Марк обескураженно моргнул, а потом как-то коряво произнес:

– Оса.

Меня аж холодный пот пробил. Какого хрена?! Опять?! Я ненавижу это кличку!

– Осипова Аня – Оса. По-моему, идеально, – продолжал разглагольствовать парень, не заметив, как меня передернуло. – К тому же ты кусаться любишь.

– Осы не кусают, – произнесла сдавленно, – они жалят.

– Еще лучше. Язык-то у тебя острый, – глубокомысленно изрек парень и победно улыбнулся, довольный собой.

Я больше ничего не сказала. Отвернулась, мечтая о том, чтобы меня оставили в покое.

К счастью, вернулся преподаватель, и лекция продолжилась. Я слушала слова, но не могла понять их смысла. В голове шумело и звенело, руки тряслись, а сердце грохотало так, будто еще миг – и разлетится на осколки.

Оса.

Меня так раньше звали. В другой жизни. В той самой, из которой я уехала, в надежде обрести спокойствие.

Нервно облизав губы, тайком оглянулась на группу. Волшин ничего не заметил. Остальные тоже. Зато Захар заметил все. Понял, что именно это прозвище меня зацепило, сделало неприятно. Холодный прямой взгляд, едва заметная циничная ухмылка, от которых стало совсем дурно. Догадливый, мерзавец. Глазастый. Почувствовал слабинку, как волк добычу. Одно я поняла точно – он это без внимания не оставит, и быть мне теперь Осой.

Снова.

После окончания лекции преподаватель напомнил о том, что на носу госэкзамены и самое время заниматься дипломом, потом монотонно попрощался и ушел. Я торопливо закидала в сумку все свое добро и, не оглядываясь, первая устремила к выходу. Однако возле самой двери меня обогнала рыжая, намеренно задев плечом:

– С дороги! Ходят тут всякие!

Сдержалась. Хотя могла ответить. Но не стала. Ей и так тяжело – бедняге пришлось в навозе с утра пораньше ковыряться. Уверена, ей этого ассенизатора долго будут припоминать.

Как и мне осу.

Едва я вышла из аудитории и сделала пять шагов в сторону лестницы, как меня подхватило неведомой силой. Мгновение, и я уже стою возле стены, а надо мной возвышается Волшин, упираясь одной рукой в стену рядом с моей головой.

– Ничего себе, ты резвый! – выдохнула изумленно. Попыталась просочиться мимо него, но он уперся и с другой стороны, преграждая мне путь. Отпихнуть его тоже не вышло – грудь как камень. Пришлось оставить тщетные попытки оттолкнуть этого бугая. Подняла на него сердитый взгляд и прошипела: – Тебе чего надо?

Проходившие мимо одноклассники подозрительно косились в нашу сторону и шушукались.

– Так что насчет моего предложения?

– Ты разве что-то предлагал? Не припомню.

– Не притворяйся дурочкой. У тебя это плохо получается. Вообще не получается.

– Это ты мне комплимент сделал или как? – задумчиво посмотрела на нахала.

Глаза у парня зеленые, с темной каемкой по краю радужки. В другой ситуации, возможно, мне бы даже понравился такой напор. Но не сейчас. Сегодня все мои нервы – как оголенные провода. Тронь – заискрит.

– Разговор не переводит.

– То есть вот эти метафоры с бургерами и твоей доступностью были приглашением на свидание? – усмехнулась я, краем глаза заметив, как Захар выходит из аудитории.

Увидев нас, он остановился, прищурился, как волк перед броском. От его взгляда меня будто кипятком окатило. С огромным трудом я удержала свое внимание на Марке.

– Что если и так? – нагло хмыкнул тот.

– Да ты романтик, Волшин. Ромео нервно курит в сторонке, завистливо поглядывая в твою сторону.

– Тебе говорили, что у тебя очень длинный язык, Оса?

Я снова дернулась, услышав это прозвище.

– А тебе говорили, что у тебя повадки пещерного человека?

– Еще никто не жаловался, – придуток многозначительно подвигал бровями.

– Пфф, – выдохнула пренебрежительно, – найди себе другое развлечение. Ты не в моем вкусе.

– А кто в твоём?

В моем? Например, хмурый мерзавец, стоящий чуть поодаль и не сводивший с нас глаз. Я же не просто так с ним переспала, оттого что раньше других под руку подвернулся. Зацепил с первого взгляда. Заставил сердце сильнее биться, а кровь быстрее бежать по венам. Наверное, подсознательно почувствовала, что он – сволочь, а меня всегда на сволочей тянуло.

– Точно не ты. Скучно, банально, предсказуемо, – передразнила его игру бровями, – точно не мой вариант.

Взгляд потемнел, но парень продолжал удерживать меня у стены.

– Хм, может, мне тоже надо было на тебя поспорить? Тогда бы интересно было?

– Кто знает... – философски развела руками и подобралась, потому что Мерз направился к нам.

Пора сваливать!

– Не комплексуй, Волшин, – потрепала его по щеке, – будет и на твоей улице праздник.

Прежде чем я успела убежать, Захар поравнялся с нами:

– Тебя долго ждать? – процедил он сквозь зубы, обращаясь к приятелю, и прошел мимо, не удостоив меня даже мимолетного взгляда.

Мне показалось, или он рассердился?

Марк многообещающе протянул:

– Мы еще не закончили, Оса, – оттолкнулся от стены и, заправив руки в карманы джинсов, пошел за Мерановым.

Только я облегченно перевела дух, как наткнулась на одну из одноклассниц. Юлю, вроде бы.

– Ты со всеми нашими парнями собралась обжиматься? – она набросилась на меня, как ревнивая кобра, выставив вперед весьма объемную грудь с глубоким декольте.

– Нет. Только с самыми симпатичными.

– Думаешь, такая крутая?

– Думаю, тебе пора, – не желая больше слушать ее бред, я развернулась и пошла прочь.

Спустившись по лестнице на первый этаж, остановилась перед зеркалом и стала надевать шапку – следующая пара опять в другом корпусе, а на улице лютовали февральские морозы.

– Не обращай на них внимания, – раздалось рядом со мной.

Удивленно обернувшись, я увидела неприметную девушку в очках. Кажется, она сидела на соседнем ряду, но не уверена.

– Поцепляются и отстанут. Они всем проверку на вшивость устраивают, – проговорила она и залилась пунцовой краской.

– От тебя отстали? – поинтересовалась насмешливо.

– Вспоминают о моем существовании, только когда списать надо.

– Счастливая, – протянула я, и неожиданно мы с ней хором рассмеялись.

– Меня Оля зовут. Ермолаева, – она улыбнулась немного смущенно, неуклюже пытаясь прикрыть бреккеты. Простая девчонка, скромная, но рядом с ней почему-то стало спокойнее.

– Меня Аня.

– Я знаю... Все знают.

– О да, я очень популярна, – проворчала себе под нос, – просто звезда. Если не сказать больше.

Переговариваясь о превратностях судьбы и сложности адаптации в коллективе, мы с ней побрели на следующую пару.

Приятель нагнал меня только через пару минут. К этому времени я успел успокоиться и обуздать свои неуместные кровожадные порывы.

– И какого хера это было? – холодно поинтересовался я, когда мы спускались на первый этаж.

– Что именно «какого хера»? – Волшин смотрел куда-то в сторону, чуть усмехаясь своим собственным мыслям.

– Ты к ней подкатывал!

Я понятия не имел, почему меня это так разозлило. Просто до красных всполохов перед глазами. Увидел, как Марк ее у стены зажал – и все, накрыло. Не ревность. Что-то другое. Глухое, яростное, мешающее трезво мыслить. Еле сдержался, чтобы не откинуть его в сторону.

– И что такого? У тебя на нее долгоиграющие планы?

– Нет.

У меня нет планов на Осипову. Никаких. Разве что сделать ее жизнь невыносимой и заставить уйти из группы. Но после того как понаблюдал за ней, начал сомневаться, что это возможно. Не похожа она на тех, кто, поджав хвост, бежит от проблем. Наглая, языкаястая. Как сразу этого не заметил? Действительно, Оса. Стопроцентное попадание.

– Тогда в чем проблема? – друг уставился на меня, подозрительно прищурившись.

– Нет проблемы.

Вроде действительно нет, но ощущение такое, что есть. Причем такая нихреновая проблема, сути которой я даже понять не мог. В груди давило идиотское ощущение, будто Волшин на мое посягает. Вот с хера ли? Не нужна. Вообще. А все равно бесило от того, что он к ней лез.

– Раз нет ни планов, ни проблем, то и не суйся, – беспечно припечатал он, а мне захотелось припечатать его об стену.

– Зачем тебе это?

– Как зачем? Ты ее видел? Ах да, видел. Во всех подробностях, – Марк недовольно поморщился, но тут же продолжил: – Ты ее слышал? Огонь девка! Настоящая Оса!

– И что?

– Ничего, – он пожал плечами, – в общем, прости, приятель, но раз у тебя с ней все, то я воспользуюсь возможностью.

Где он и где возможности! Она же насквозь его видит!

– Она тебя пошлет, – я жестко осадил его.

– Уже послала, – заржал он, – но, когда меня это останавливало?

Никогда. Волшин – еще тот кобелина. Имеет все, что шевелится. А если оно не шевелится, то расшевеливает и снова имеет.

– Других, что ли, нет?

– С другими скучно. Тем более мне кажется, что если ее хорошенько... отлюбить, то шелковая станет.

– Осипова? Шелковая? Не мечтай. Как ни отлюби – заразой останется. Уж я-то знаю.

– Хм, может, ты ее просто не удовлетворил? – Марк продолжал напрашиваться на хорошую затрещину.

– Иди ты на хер!

– Ты же тупо поспорил на нее. Сомневаюсь, что сильно старался. Вот она и не впечатлилась.

– Я всегда стараюсь.

– Конечно, – с издевкой протянул он, – как же твое коронное «вы*бать по-быстрому для личных целей»? Оса не похожа на ту, которой пару палок кинул – и она счастлива, как кошка. Тут подход нужен, мастерство.

– Ты меня специально бесишь?

– Нет. Просто предупреждаю, что она мне интересна.

– Мне все равно, – процедил сквозь зубы.

– Вот и замечательно.

Все равно у этого придурка ничего не получится. Но, черт, бесит-то как!

На следующую пару я пришел злой, как подземный демон. Взглядом нашел Осу – она сидела рядом с нашим главным ботаном Ольгой Ермолаевой. Менее подходящий дуэт и придумать сложно. Оторва и зашуганная девочка-целочка.

Аня будто почувствовала мой взгляд и обернулась. Посмотрела, чуть прищурившись, губы недовольно поджала и снова в тетрадь уткнулась. Дернул меня черт на нее поспорить! Пусть бы Волшин развлекался в свое удовольствие, а бы над ним глумился. Все лучше, чем злиться по непонятной причине и, не отрываясь, пялиться на ее спину.

– Меранов! – окликнула меня Рябова. Дождалась, когда я на нее хмуро посмотрю, и продолжила нарочито громко: – Ира до тебя дозвониться не может.

– Я тут причем?

– Говорит, что приедет в семь. Встретишь?

Новенькая не удержалась и бросила в мою сторону непонятный встревоженный взгляд.

– Передай ей, что я после этой пары позвоню. Там и договоримся.

– Почему бы тебе не позвонить ей прямо сейчас, она ждет... – Я глянул на сокурсницу так, что она заткнулась, проглотив свои дешевые претензии.

– Как знаешь, – пробурчала, заливаясь сердитым румянцем, и отвернулась.

А я снова уставился на Осу и бесился от того, что взгляд к ней как магнитом притягивается. Медом там, что ли, намазано? Не понятно.

Глава 4

В воскресенье вечером Алла пригласила меня к себе в гости. Сидеть в общаге скучно, поэтому я без лишних слов согласилась, и уже через полчаса была у нее. Она снимала недалеко от универа уютную студию с огромными окнами и потрясающим видом на город и ласково называла ее своим «любовным гнездышком». У меня было такое чувство, будто я попала в будуар застенчивой нимфоманки. Розовые шторы, розовые подушечки на сером диване, розовые салфетки. Все такое нежное и воздушное, что страшно прикасаться. Кстати, тапочки мне тоже достались розовые.

К моему приходу тетушка заказала роллы, а я принесла бутылку вина. Вечер обещал быть приятным. Мы устроились на большом мягком ковре перед телевизором и приступили к трапезе.

– Ну что, дорогая моя племянница, – промурлыкала Аллочка, поднимая бокал, – поздравляю тебя с первым днем весны и заодно с самым безумным решением в твоей жизни. Променять столицу на Зажопинск за несколько месяцев до диплома – не каждый сможет.

– Я крутая! – хмыкнула, отсалютовала ей бокалом и сделала небольшой глоточек. Терпкий напиток приятно обволакивал нёбо. Почему-то сразу захотелось лета, солнца и запаха моря.

– Ты дурная, – припечатала родственница, – мне просто жуть как интересно, что же такого у тебя произошло, раз ты все бросила и сорвалась с насиженного места?

– Ничего не произошло, – я беспечно пожала плечами, – просто в один прекрасный момент поняла, что нахожусь не там, где надо, и занимаюсь не тем, чем хочу.

– И, конечно же, тебя потянула сюда. К нам. В эту дыру.

– Нет. Меня никуда не потянуло. Просто мне было все равно куда переходить, а здесь и от дома не так далеко, да и ты под боком.

– Еще скажи, что по мне соскучилась.

– Конечно, соскучилась.

Алла недовольно покачала головой:

– Не верю.

– Ну и зря, – я насмешливо посмотрела на нее поверх бокала и сделала еще глоток. Вкусно.

– Как у тебя вообще дела? – спросила она спустя пять минут после того, как сжевала несколько сочных роллов.

– Хм. Дай подумать... – я подняла глаза к потолку и сделала вид, будто крепко задумалась. – За эту неделю я успела стать объектом дурацкого спора. Переспала с неподходящим парнем. Поругалась с неподходящим парнем. Нажила себе целую толпу неприятелей, каждый из которых теперь считает своим долгом напасть на меня. Приятель неподходящего парня внезапно побивает ко мне клинья, считая, что раз я так легко переспала с Мерановым, то барышня легкодоступная и запросто раздвину ноги еще перед одним нахалом. На носу госэкзамены и диплом. Я ни хрена не понимаю, что вокруг творится. А так все здорово, – ослепительно улыбнулась, а потом залпом осушила бокал до дна и тут же наполнила его заново, заодно плеснув и в Алкин стакан.

– Жалеешь, что переехала? – напряженно поинтересовалась она.

– Ни капли. Здесь весело. Что ни день, то праздник и приключение. Это так бодрит, – выдала ровным голосом, хотя внутри неприятно дрогнуло. Особенно, когда про Мерзу вспомнила.

– Чудная ты, Анька, – она неодобрительно покачала головой.

– Ну раз так, то давай выпьем за чудеса, – я подставила бокал, и она, недовольно пождав губы, тихонько звякнула по нему своим.

По-моему, у меня настроение напиться и забыться.

– Ты не против, если я у тебя останусь до утра? У нас в общежитии сегодня Анфиса дежурит. Мы с ней характерами не сошлись. Если увидит меня в таком состоянии – точно прицепится.

– Без проблем. Оставайся. Диван большой.

– Спасибо. Ты настоящий друг.

– Ань, с тобой точно все в порядке?

– Да. Устала немного, но ничего страшного.

– Справишься? – продолжала докапываться Алла.

– Конечно. Я всегда со всем справляюсь, – улыбнулась отстраненно, чувствуя, как внутри неприятно ворочается раздражение. Справиться-то справлюсь, но вот с мечтами о спокойной жизни точно придется распрощаться, а виной всему – нахал с холодными глазами. – Ты знаешь что-нибудь про Меранова? – все-таки не удержалась, хотя до этого давала себе обещание не заводить разговор о гадком однокласснике.

Алла повела плечами.

– Что ты хочешь про него знать?

– Что угодно. Он мне интересен.

– Почему? – тут же нахмурилась она.

– Я его не понимаю, и меня это напрягает.

– А что тут, собственно говоря, непонятного? Он мерзавец.

– Это-то как раз ясно. Хотелось бы понять – это у него врожденное или временное состояние души.

– Ладно, слушай, – Алла уселась поудобнее и с заговорщицким видом начала рассказывать, – есть у меня приятельница. Ленка. Мы с ней вместе учились. Так вот, город у нас небольшой, и внезапно выяснилось, что она давно дружит с матерью Захара. Вот она мне кое-чего рассказывала про него.

– Давай уже! Не тяни, – мне было жуть как интересно.

– В общем, будучи подростком, жил он с матерью. Когда парень пошел в среднюю школу, отец их бросил и укатил в Питер. Там поднялся неслабо, денег заработал целую прорву. У него своя большая фирма. То ли стройкой занимается, то ли ремонтом – не знаю точно. Женой новой обзавелся. Вот только с детьми у них не получилось. И вот спустя пять лет он снова объявился в нашем городе и изъявил желание общаться с единственным сыном. Захар тогда в десятом классе был. Трудный подросток. Сплошные неприятности. Мать не знала, что с ним делать. Из сил выбивалась, пытаясь свести концы с концами, а еще и он нервы мотал...

Не уверена, что она и сейчас представляла, что с великовозрастным негодяем делать.

– ...В общем, папаша вмешался. И очень кстати. Сказал, что если Захар возьмется за ум, закончит школу, сам поступит в универ и отучится, то он заберет его в Питер. Даст работу, возможности, жизнь, о которой можно только мечтать. Но для этого сыну придется постараться и доказать, что он не тупоголовый баран. Меранов за эту мысль ухватился. Они с матерью бедно жили, без изысков, и ему очень хотелось вырваться из этого порочного круга. На самом деле парень он башковитый, изворотливый. Поставил себе цель и теперь идет к ней напрямую. Не скажу, что учится, как проклятый, но и не прогуливает по чем зря. Где-то сам проблемы решает, где-то обходные пути ищет, других запросто использует. Ему нужен диплом – это его пропуск в новую жизнь, и ради этого он готов на все.

– То есть из трудного подростка он превратился в приличного парня.

– Сама-то в это веришь? – захохотала Алла. – Где Меранов и где приличия?

– Тоже верно.

– Отец ему квартиру здесь купил, но денег не дает. Проверяет, способен ли сын сам карабкаться, или так и будет всю жизнь на чужой шее сидеть.

– Способен, – убежденно ответила я.

– Ты-то откуда знаешь? Вы знакомы неделю.

– Такие всегда пробиваются. У них это в крови.

– Может быть, – Алла не стала спорить, – Ленка рассказывала, что помимо универа, он занимается чем-то, связанным с компьютерами. То ли программированием, то ли рекламой. Не знаю, особо не вникала. Вот, в общем-то, и все. То, что он сволочь, ты уже и сама прекрасно знаешь, а больше мне нечего про него рассказать.

– Больше и не надо.

По крайней мере теперь я понимала, почему он такой закрытый, циничный, жестокий. Но вот что с этим делать – понятия не имела. Была уверена только в одном – дурной характер Мерза еще не раз мне аукнется.

Следующая неделя пролетела незаметно. Я разрывалась между учебой и попытками хоть как-то обустроить свою жизнь. Однако жизнь обустраиваться категорически не хотела, да и с учебой были одни проблемы.

Во-первых, мне доставалось от Анфисы. Не знаю почему, но комендантша меня невзлюбила и разве что ядом не брызгала при моем появлении. Наверное, не стоило прилюдно намекать ей, чтобы она своими обязанностями занималась, а не перед телевизором семечки щелкала. Иногда язык – враг мой. В этом случае так точно.

Во-вторых, мне приходилось бегать с кафедры на кафедру в поисках руководителя для дипломной работы. Не каждый готов взять под свое крыло студентку, вынырнувшую неизвестно откуда за три месяца до защиты. Темных лошадок никто не любит. Вдруг я тупая? Или ленивая? Или хитрожопая? Или наглая? Не без этого, конечно...

В-третьих, любимая группа давала жару. До этого мне никогда в жизни не приходилось быть жертвой буллинга. Могу сказать одно – это чертовски неприятно, выбывает почву из-под ног. Утешала только мысль о том, что скоро это закончится. Три месяца – и все, больше никогда не увижу этих людей. Продержусь. Я сильная. Если честно, то их нападки меня не особо-то и задевали. Просто раздражали, бесили до зубовного скрежета. Будто назойливые комары, которые мешают нормально спать. По одному шакалята боялись подходить, но, сбиваясь кучками, становились смелыми и языкастыми. Цеплялись, пытались издеваться. Были и те, кто просто молчал, наблюдая травлю. Был Марк с его агрессивными подкатами.

И был Мерз. Мочаливый. Холодный. Но от одного его взгляда волосы на загривке дыбом вставали. Он не трогал меня всю эту неделю, даже не разговаривал, просто наблюдал, но я с содроганием сердца думала о том, что он мне готовит. Пожалуй, он единственный из всех, кого я опасалась всерьез. И как меня угораздило переспать именно с ним? Почему не Марк? Не какой-то другой придурок? Почему именно Мерз?

Хотя чего удивляться? Я всегда умела вытащить выигрышный билет и найти бриллиант среди навоза.

В субботу вечером в общежитии было тихо. Большинство студентов на выходные укатили домой, и мне выпал шанс насладиться тишиной. Никто не шаркался по коридорам, не вопил, не слушал громкую музыку. Красота! Можно почитать, спокойно сходить в душ, отдохнуть. Съесть чего-нибудь вкусного.

Последняя идея мне понравилась больше всего. Я сходила на кухню, убедилась, что там никого нет, и решила порадовать себя тушеной картошкой.

Из радио доносились звуки веселой песни, а я, немного подпевая и пританцовывая, колдовала над кастрюлькой. Помыла овощи, почистила, порезала. Плюхнула туда целую банку

тушенки и поставила на огонь, а сама тем временем уткнулась в переписку с Ермолаевой. Она единственная, с кем у меня установились дружеские отношения, и единственная, кому, несмотря на врожденную скромность и робость, хватило пороку в открытую меня поддержать. Конечно, группа поддержки так себе, но все равно приятно.

Где-то в коридоре что-то громко треснуло. Я оторвалась от телефона, замерла, прислушалась, пытаюсь понять, откуда доносится и что это такое. Почему-то показалось, что звук идет из того конца, где располагалась моя комната. Не к добру. Общение с новой группой научило меня всегда быть настороже. Мало ли чего от них можно ждать? Дерьмо под дверью я уже находила.

Я прикрыла кастрюльку крышкой, уменьшила огонь и пошла проверять что к чему.

В коридоре было пусто. Возле моей двери тоже никого не оказалось. Я придирчиво осмотрела ковер в поисках очередной подставы. На нем и под ним – пусто. Проверила замочную скважину на предмет жвачек, клея и бумаги. Все в порядке.

На всякий случай осторожно приоткрыла дверь и, убедившись, что ничего мне на голову не упадет, зашла в комнату. Осмотрелась. Заглянула в шкаф, под кровать, за штору. Тоже ничего. Может, зря всполошилась? Просто у кого-то в комнате что-то упало, и ко мне это не имеет ровным счетом никакого отношения? Похоже на то.

Я облегченно выдохнула и вернулась на кухню. Здесь по-прежнему было тихо, спокойно и безлюдно. Свернув полотенце, чтобы не жгло руки, я взяла с плиты кастрюльку и пошла к себе в надежде провести приятный и вкусный вечер. Однако на середине дороги пришлось бежать – пальцы нещадно жгло даже через полотенце. Ворвавшись в комнату, плюхнула кастрюлю на стол и стала дуть на руки, пытаюсь охладить кожу.

– Ладно, горячо сыро не бывает, – изрекла глубокомысленно и потянулась за тарелкой.

Взяла половник, подняла крышку и, прикрыв глаза, втянула аппетитный аромат.

Хотя не очень-то и аппетитный. И это странно. Картошечка, приготовленная по любимому маминему рецепту, должна пахнуть не так. Приоткрыв один глаз, я с недоумением заглянула в кастрюлю и увидела там что-то большое и черное.

Что за херня? Вилкой подцепила это что-то и вынула на свет божий... носок. Явно мужской, ношенный, с махровой дыркой на пятке.

– Твою мать! – выругалась громко, раскатиство, от души.

В тот же момент под дверь с тихим шорохом просунули записку, а потом раздался дикий смех и топот убегающих ног. Все себя от гнева я подскочила к двери и распахнула ее. В коридоре, естественно, уже никого не было. Вредителей и след простыл. Записка, которую мне оставили, была написана красивым ровным почерком и содержала в себе лишь одну фразу: «Приятного аппетита, сучка!»

Зашибись. Вот и поужинала.

В аудиторию я пришла за пять минут до начала пары. Преподаватель еще не появился, зато вся группа была в сборе. Сегодня у нас должен был состояться коллоквиум, и все готовились, как могли. Кто-то фотографировал на телефон страницы из учебника в надежде, что представится шанс незаметно списать, кто-то рассовывал шпоры по карманам, а кто-то просто обреченно листал лекции, пытаюсь запомнить хоть что-то.

Коллоквиум меня волновал мало. Мазнув взглядом по всем собравшимся, направилась туда, где сидела Ассенизаторша с подругами. Все они жили в общежитии, а это означало, что мой испорченный ужин – их рук дело. Я не бедствовала, не голодала, но жалко и было продукты, и свои труды. И вообще, портить в общежитии еду – это последнее дело. Молча проглатывать такое я не собиралась.

Подойдя к одной из них, бесцеремонно вырвала у нее из-под носа тетрадь.

– Эй! Ты чего?! – завопила она, вскакивая на ноги.

– Уймись, – цыкнула на нее так, что та присела. Открыла первую попавшуюся страницу и недовольно фыркнула, – не то.

Швырнула тетрадь обратно на стол, повернулась к следующей. Остальные за мной наблюдали, изумленно переглядываясь. Но мне было плевать на их взгляды, на их изумление, да и вообще на всех них вместе взятых. Я была очень зла.

Еще одна тетрадь и снова безобразные каракули.

– Что ты себе позволяешь? – начала было Ассенизаторша, но заткнулась, когда я рывком раскрыла ее тетрадь, так что чуть листы в стороны не полетели.

Снова не то. А вот в следующей тетради меня ждала удача. Сердечки на полях, заголовки, подчёркнутые разноцветными ручками. Но самое главное – почерк. Ровный, аккуратный. Точно такой же, каким была написана вчерашняя записка.

– О, так вот кто у нас такой креативный, – хмыкнула, не сводя глаз с худосочной брюнетки. Она была почти красива, если не считать больших, как у лошади, зубов.

– Чего ты пристала? – она высокомерно вскинула брови, но было видно, что ей не по себе. Вот так, глаза в глаза, смелости не хватало. Это тебе не втихаря на кухне гадить.

– Да вот, решила, что надо бы добро вернуть, – залезла в карман и вытащила оттуда пакет, в котором лежал носок с остатками картошки. Узел развязала и все содержимое вывалила ей прямо на тетрадь. – Твое?

Она завизжала и вскочила на ноги, отряхивая джинсы, на которые попало несколько капель. В аудитории запахло едой.

– Ты ненормальная!

– Ты даже не догадываешься насколько, – огрызнулась я и развернулась лицом к группе: – Значит так. Я вчера осталась без ужина, поэтому злая и нервная. Не буду ходить вокруг да около, скажу сразу. Всем. Если еще раз кто-нибудь что-нибудь мне подкинет, неважно что – собачье дерьмо, вонючие носки или еще что-то в этом роде – все это добро окажется у него на голове. Обещаю.

Да! Меня бомбануло! А что делать? С ними, чувствую, иначе нельзя, не доходит по хорошему. Надо вот так – наглядно и со спецэффектами.

Все молчали, изумленно таращась на меня. Но стоило мне посмотреть прямо, как отводили взгляды. Правильно. Когда я злая, со мной лучше не связываться.

И тут в полнейшей тишине кто-то лениво хмыкнул.

Мерз!

Вот уж кто смотрел и взгляд не отводил. От его насмешки – холодной, циничной, полной пренебрежения – у меня в груди что-то заскрипело, заухало, покрываясь коркой льда.

Знаю, что сейчас он не причем, что не стал бы Захар носки в кастрюлю запихивать, но все это из-за него! Из-за того, что дуры эти перед ним красовались, пытались угодить. Да все в этой группе пытались ему угодить! Царевич, хренов!

Прежде чем поняла, что делаю, подошла к столу, за которым сидел парень, и склонилась, опираясь на столешницу.

Мерз смотрел на меня с легкой полуулыбкой-полуухмылкой, а в глубине серых глаз клубился холод. Сука! Красивые глаза. Стоит только увидеть – и сердце замирает, а по венам горячая кислота бежит. В груди защемило так, что еле получалось сделать вдох. Черт, похоже, я его ненавижу.

– Отзови своих чокнутых фанаток, Меранов, – процедила сквозь зубы, – а то я подумаю, что ты неровно ко мне дышишь и не можешь смириться с тем, что нам не по пути.

Серые глаза хищно прищурились.

– У кого-то ПМС? – заржал Марк, сидевший на соседнем ряду.

Смех вышел натянутым.

– Хочешь обсудить мои критические дни? – перекинулась на него. – Запросто!

– Эй, Оса, – он примирительно поднял руки, – ты чего разошлась?

Сказала бы я чего, да не успела – преподаватель в аудиторию зашел. Группа тут же притихла, а я села на первое попавшееся свободное место.

– Итак, сегодня у нас проверочная работа. Достаньте листы, подпишите их в верхнем правом углу. Фамилию, имя и номер группы, – он начал монотонно раздавать указания, доставая из кожаного портфеля стопку билетов.

Я выполняла эти действия на автомате, втайне радуясь тому, что занятие началось, избавив меня от необходимости продолжать разговор. Серые глаза так и стояли перед мысленным взором, заставляя нервничать и дышать быстрее. Снова захотелось на Мерза посмотреть, да так сильно, что не удержалась. Обернулась. И тут же замерла, словно камнями придавило.

Мерз смотрел на меня. Без улыбок. Усмешек. Исподлобья. Мрачно. И мне показалось, что я слышу его голос в своей голове.

«Тебе конец, Оса. Конец».

Глава 5

Мерз, скотина. Он так прочно поселился в моих мыслях, что покоя не было даже ночью. Он мне снился. В тягучем тревожном сне, наполненном смутными образами и нелепыми действиями. Я бежала от него и в то же время к нему. Я хотела его ударить, сделать больно, но губы сами искали поцелуев. Во сне мы снова были вместе, в том самом кабинете. Я чувствовала его руки на своем теле. Его запах, который хотелось вдыхать, и при этом рычать и кусаться. Сладкое безумие, ломота во всем теле, обжигающее чувство близости... Я была готова ради него на все. Лишь бы не отпускал. Лишь бы был рядом.

И вдруг в кабинете загорается свет, и я вижу, что, кроме нас с Мерзом, в помещении почти вся группа. Ассенизаторша с пакетом навоза; любительница носков со связкой чулочных изделий на шее; Марк, громогласно заявляющий, что он следующий. Теперь мне хочется вырваться, сбежать, но Захар не отпускает. Держит. Смотрит в глаза, хищно улыбаясь. И продолжает двигаться, каждым толчком сталкивая в пропасть.

– Пусти меня, – пытаюсь вырвать, но парень настолько сильный, что у меня не получается даже приостановить его. Крепкие пальцы впиваются в бедра. Наши тела соприкасаются.

– Что не так, Оса? – спрашивает он. – Тебе же нравится. Ты же любишь, когда тебя вот так...

Я хочу остановиться, скрыться от любопытных глаз, но Меранову плевать.

Толчок. Еще толчок. Еще. Внизу живота тяжелеет, сводит сладкой судорогой. Хватаю воздух ртом, цепляясь за широкие плечи, выгибаюсь навстречу. От оргазма искры перед глазами, в груди ураган. Следом накатывает еще один. Слабее, но такой долгий, что внутренности скручивает узлом.

Группа за моей спиной дружно аплодирует...

В этот момент я проснулась.

Подскочила на кровати с тихим вскриком. Шальная, едва способная дышать, мокрая как мышь. Меня била крупная дрожь, а между ног было так сыро и горячо, что даже мне, далеко не скромной девственнице, стало стыдно. Это полный абзац. Кончить во сне. Дважды. Потому что приснился Мерз и то, как мы с ним трахались.

Я думала, это в прошлом. Получила разрядку и забыла. Все, никаких проблем. А этот сон все с ног на голову перевернул, будто сдергивая тёмное одеяло, под которым я пряталась от действительности.

Мерзавец был во мне. В моей голове, в моих мыслях. Так остро, яростно, что внутри все закипало. Я помнила каждое прикосновение, каждый взгляд. Не хотела помнить, но помнила. Переживала снова, чувствуя звериный восторг и азарт.

Я больная.

– Пошел ты к черту, – произнесла громко, обращаясь к темноте, – не смей мне больше снится!

Сердито взбила подушку, повернулась на другой бок и прикрыла глаза, с твердым намерением снова заснуть. И без всяких там Мерзов!

То ли мой мысленный посыл достиг цели, то мои собственные мозги решили, что на сегодня с меня достаточно, но снов больше не было. Ни эротических, ни каких-то других. Серая пелена и тревожная дрема до самого будильника.

Встала я разбитая, всклокоченная, раздраженная, и сон этот поганый, будь он неладен, никак не шел из головы.

Это что получается, я в тайне по нему сохну? По Меранову? По этому придурку, поспорившему на меня в первый же день? Или это и есть та самая фигня с предающим телом, о которой я читала в книгах?

Да быть того не может! Глупости. Просто сон. Вот сейчас на занятия приду, посмотрю на эту наглую морду, и сама над собой посмеюсь и над своей глупостью.

Быстро собравшись, наспех позавтракала и поползла в универ с твердым намерением во всем разобраться. Ну не может у меня быть на него такая реакция, просто не может!

Мерз разговаривал с Волшиным и Медведевым. Они ржали над какими-то идиотскими шутками, а я, притаившись в углу на самой дальней парте, наблюдала за ними. Вернее, за ним. До остальных мне дела не было.

Меня интересовал только Захар.

Красивый парень – этого не отнять. Немного смуглый, с темными непослушными волосами и глазами цвета стальных туч. В каждом движении – уверенность: в повороте головы, в улыбке, в том, как поводил широкими плечами. Руки у него красивые, сильные, с широкими запястьями. На одном из них черный кожаный браслет. Пальцы тоже красивые. Крепкие. Я помню, как он ими прикасался. И губы его помню. На своих.

Ооо, черт!

Еще немного – и стул подо мной начнет дымиться! Эти игры в гляделки, попытки убедить себя в обратном – все пустое. Да, я завелась просто от того, что смотрела на него. От того, что это Мерз!

Приехали.

В голову нахально лезли мысли о том, а что если... Это бесило, это раздражало, и я не могла с этим справиться.

Проклятые сны. Все из-за них!

Спустя три минуты после начала пары дверь распахнулась, и на пороге появился новый персонаж. Блондинка с короткими, до плеч, волосами, затянутая в кожаные брючки и в короткой дубленке. Как только задницу не отморозила!

– Простите, я опоздала, – новая девица зашла уверенной походкой, быстро осмотрелась и, проигнорировав всех остальных, направилась напрямик к Меранову.

– Привет, Захар... – с томной улыбкой, по-кошачьи грациозно склонилась к нему и при всех поцеловала в губы.

Меранов ответил.

А меня прострелило аж до самых пяток. Поспешно отвернувшись, уткнулась в тетрадь, как пришибленная, не дыша, боясь пошевелиться.

– Я соскучилась, – мурлыкала белобрысая зараза, а у меня было такое ощущение, будто в груди огненный шторм лютует.

Почему-то я и мысли не допускала, что у него может быть девушка. Думала, что он со всеми такая скотина, всех использует. А оказалось, только меня.

Чертов Мерз! Ненавижу!

Итак, у Захара действительно есть постоянная пассия. Причем появилась она явно не сегодня и не неделю назад, потому что никто в группе, кроме меня, не удивился ни ее появлению, ни тому, что она села с ним рядом.

Вот это поворот.

У меня просто в голове не укладывалось. То есть он поспорил на меня, будучи несвободным? Вот мерзавец! И его придурки-друзья об этом знали?! И остальные тоже! А значит, и эта блондинка в курсе того, что произошло.

Вот только разбор с обиженной зазновой Мерза мне не хватало.

Хотелось стонать и биться головой о парту. Какая же я дура! Как же меня угораздило так вляпаться? Это похлеще, чем наступить в дерьмо, бережно выложенное одnogруппницей на коврик перед дверью.

Я ругала себя на чем свет стоит. Называла всеми нехорошими словами, которые только приходили в голову. И Меранова ругала, и группу. В общем, делала все, чтобы отвлечь себя от главной проблемы. А она заключалась в том, что мне было хреново. И не просто хреново, а больно. Потому что сегодня с утра у меня произошло временное размягчение мозгов, и на какую-то долю секунды я позволила себе представить, что у нас с Захаром может быть что-то общее.

Это было глупо, а теперь за эту глупость приходится расплачиваться болью в груди и привкусом крови на губах, а я ведь обещала себе, что больше никогда и ни за что...

Я держалась изо всех сил, но ближе к концу пары все-таки сломалась и, чуть повернув голову, покосилась в сторону сладкой парочки.

Меранов даже не пытался сделать вид, что слушает преподавателя, и бессовестно ковырялся в телефоне, а его белокурая принцесса перешептывалась с сидевшей неподалеку Мариной Рябовой – той самой, что вечно смотрела на меня так, будто на костре хотела сжечь. До нее мне не было дела, а вот новой девицей я не могла не заинтересоваться.

Ухоженная. Из тех, кто скорее опоздает, чем выйдет из дома с не покрашенными ногтями. На голове – волос к волосу. Кожа сияет. Каждая деталь в одежде подобрана так, чтобы подчеркивать ее достоинства. Красивая кукла, иначе и не скажешь. И в этот момент я очень живописно представила, что делает с ней Мерз, когда они остаются наедине.

Твою мать...

Сердце подскочило, ударилось о затылок и тут же ухнуло вниз, до самых пяток, а в груди пышными ядовитыми соцветиями распускалась она – ревность. Такая жгучая, что легкие горели, а руки самопроизвольно сжимались в кулаки.

Вот это я попала. Ревновать Мерза. Хуже не придумаешь.

Хотя нет. Еще как придумаешь.

Это я поняла, когда белобрысая внезапно повернулась ко мне, и мы с ней столкнулись взглядами. Контакт глаза в глаза, и ни одна из нас не собиралась отворачиваться. Она точно все знала. И вместо того чтобы вынести мозг своему благоверному, а еще лучше послать его далеко и надолго, решила отыгаться на мне.

Невыносимо хотелось уйти, переключиться, остыть, справиться с ненужными эмоциями, которые с каждым мигom захлестывали все сильнее.

Появление чертовой блондинки стало катализатором, запустило цепную реакцию, грозившую сжечь меня изнутри. Я внезапно поняла, что Мерз для меня не пустое место. Эта скотина умудрилась пробиться внутрь, под тот защитный панцирь, который я с таким рвением наращивала.

Мне кто-нибудь может объяснить, как это вообще получилось? Почему все началось, как одноразовый секс, для снятия напряжения, а закончилось тем, что я сижу и давлюсь собственной ревностью? Он же ничего хорошего не сделал для меня! Только использовал!

Уму непостижимо!

Не знаю, как мне хватило силы воли досидеть до конца пары.

Я раздраженно заталкивала свои пожитки в сумку, а сама не могла оторваться, и краем глаза косилась на Захара и его подружку. Они прошли мимо меня, держась за руки, а у самого выхода он бесцеремонно ущипнул ее за задницу. Девица с притворным возмущением ахнула, шуточно толкнула его в плечо, а потом рассмеялась, громко, довольно. Специально для меня.

Зашибись день начался.

Впереди еще две пары, и я не представляю, как их выдержу, если эти двое и дальше будут маячить перед глазами. Мне срочно надо остыть, разобраться в себе и с корнем выдрать эти ненужные эмоции.

– Что, Оса, облом? – весело поинтересовался Волшин, поравнявшись рядом со мной, когда я поднималась по лестнице.

– Ты о чем, убогий?

– Ирка вернулась, так что хана твоей спокойной жизни.

– Беда, – прошипела сквозь зубы, – ты не оставишь меня одну? Мне срочно нужно поплакать по этому поводу.

Марк ухмыльнулся:

– Ты непробиваемая, да?

– Да, – раздраженно согласилась с этим приставучим гадом.

– Она тебя сожрет.

А вот это навряд ли. Зубов не хватит, чтобы сожрать. Меня, если честно, вообще мало волновала эта Ира, и все что она могла сделать или сказать. Не из-за нее я так завелась и расстроилась, а из-за своей собственной реакции на всю эту гребаную ситуацию.

Ничего, справлюсь. Мне просто надо пережить этот день, дальше станет легче.

– Я могу стать твоим защитником, – глубокомысленно изрек он и, по-хозяйски обняв за плечи, притянул к себе, – ты только скажи.

– Так, стоп, – я уперлась ему в грудь ладонью и оттолкнула от себя, – Марк, скажи, я похожа на хрупкую лань, которой нужна защита?

– Не особо, – рассмеялся он, – но я просто обязан был предложить. Вдруг бы прокатило... Скотина.

– Расслабься, Оса! К тебе ведь не подступишься. Ты такая колючая. Такая кусачая.

Правда? С чего бы это?

– ...Я могу сделать тебе массаж, – он снова потянул ко мне свои лапы.

– Знаешь, что! – я отступила на шаг.

– Что? – самодовольно улыбнулся этот придурок.

– Шел бы ты отсюда, пока я не начала кусаться по-настоящему.

– Звучит многообещающе...

– Волшин, твою мать! – раздался раздраженный оклик. – Тебя долго ждать?

На самой верхней ступени стоял Захар и сверлил приятеля раздраженным взглядом, а меня попросту не замечал. Будто я пустое место.

– Да иду я, – Марк пошло подмигнул мне и начал подниматься, перескакивая за раз через две ступени.

Я проводила его взглядом, выдохнула, собрала всю свою выдержку в кулак и пошла следом. Как мне все надоело. Рада бы отвернуться и забыть, но взгляд намертво прилип к широкой спине Меранова. Я, как маньячка, следила за каждым его движением, ждала, что он почувствует, посмотрит на меня. Но Захар так и не обернулся. И я не знала, что хуже: его циничная ухмылка или вот это полнейшее безразличие.

После второй пары я почувствовала себя не только несчастной, но и голодной. Утром кусок в горло не лез, а сейчас, после всех потрясений, весьма некстати проснулся волчий аппетит, поэтому, едва дождавшись очередного перерыва, я спустилась вниз.

В буфете было не протолкнуться. Как будто все отродясь не ели и только сейчас имели возможность закинуть в себя хоть что-то. Хорошо, что стойки было две, и буфетчицы тоже, иначе была бы толпа до дверей.

Как бы голодна я ни была, но расталкивать других локтями в надежде урвать пирожок поджаристей не стала. Просто покорно заняла место в конце очереди, прикидывая, успею ли купить, а самое главное – съесть хоть что-то. И вообще мне нужно кофе. Большой стакан ядреного кофе, такого, чтобы перетряхнуло до самых пяток и в голове прояснилось. Главное – успеть.

Однако мои опасения оказались напрасными. Очередь продвигалась быстро. Ушла продавщица одной рукой закидывала пироги, другой наливала кому чай, кому кофе, третьей считала деньги, а четвертой изо всех сил дубасила по затертым кнопкам калькулятора. При этом не забывала переговариваться с коллегой и отвечать по телефону. Профессионал.

– Чего надо? – неласково спросила она, когда я поравнялась со стойкой.

– Кофе. Большой стакан. И пирог с яблоками.

Буфетчица ловко налила мне кофе, сунула в пакет пирог и назвала сумму. Не успела я расплатиться, как она уже зычно обращалась к следующему:

– Чего надо?

Ух, какая!

Я засыпала в стакан сахар, взяла из контейнера одноразовый размешиватель и поспешила отойти подальше от толпы страждущих.

С голодухи пирог был очень даже ничего – мягкий, пышный и со следами яблок, а вот кофе – просто вырви глаз. Адское пойло. Пила и морщилась. Зато помогло. В голове аж зазвенело, а сердце начало бухать, как после марафона.

– Так, так, так, – раздался стервозный голос прямо у меня за спиной, – а вот и наша новенькая!

Да ё-мое! Мне сегодня поесть спокойно дадут?!

Я обернулась, уже не ожидая ничего хорошего.

Возле меня стояла Ирина, держа в руках такой же стаканчик с кофе, а за ее спиной прыгала Марина Рябова с большой сосиской в тесте.

– Как дела? Как устроилась? – зазноба Меранова улыбалась во все свои тридцать два белоснежных зуба. Акула, не иначе.

– Все супер, – сдержано пожала плечами.

– Не обижают? – поинтересовалась ласковым голосом, при этом хищно прищурилась. Глаза у нее яркие, сине-зеленые. Явно линзы. Но очень к лицу.

– Нет.

– Ничего, скоро начнут, – на сочных губах расцвела многообещающая улыбка.

Зачем она это делает? Неужели нельзя просто оставить меня в покое? Так ведь нет. Лезет. Выпендривается.

– Думаешь? – спросила я, отпивая еще кофе, который под конец стал отвратительно сладким.

– Уверена!

– Как здорово, что есть такие уверенные люди. Так держать, – показала ей большой палец и отвернулась.

Не знаю, чего ожидала Ира. Того, что я забьюсь перед ней в судорогах, повалюсь на спину в знак поражения, демонстрируя беззащитный живот, заплачу, испугаюсь? Не знаю, в общем, но мое равнодушие оказалось для нее сюрпризом.

– Слушай сюда, новенькая, – рывкнула она, отбросив в сторону весь маскарад.

– Аня, – подсказала я, – меня зовут Аня. Так и быть, можно на «ты» и без отчества.

Ирка подошла ближе, свирепо сверкая своими красивыми глазами.

– Языкастая, да?

– Никак нет, – отсалютовала стаканчиком, – сама скромность и смирение.

– Мне сказали, что ты увиваешь рядом с Захаром.

– Тебе неправильно донесли информацию. Не увиваюсь.

Так, перепихнулась разочек. И то не по-настоящему. На спор. Причем спорила не я. Вслух я этого не стала говорить. Уверена, что ей уже донесли по всем фронтам, и отпираться бесполезно.

– Да? Разве ты не висла на нем, как последняя...

Она продолжала насакивать на меня, обвиняя во всех смертных грехах. Стоящая позади Марина торжествующе улыбалась и чуть ли в ладоши от радости не хлопала.

Виноватой я себя не чувствовала. Ни капли. Не я спорила. Не я обманывала. Не мне и краснеть.

– Ты же знаешь, что это не так. Можешь, конечно, для успокоения души все вывернуть так, как тебе удобно. Но, извини, подыгрывать не стану. Лично я до сегодняшнего дня вообще не догадывалась о твоём существовании, а вот Меранов прекрасно знал. Так что иди и вывози претензии своему ненаглядному Захарчику. Правда, ему, судя по всему, глубоко похрену на твои претензии. Живет, как хочет, и делает то, что в голову взбредет. Но ты ведь и так это знаешь? И, скорее всего, молча проглотишь.

Я ударила ее по больному, руша все ее попытки выставить виноватой меня, а не своего парня, публично озвучивая то, что он с ней не считался.

– Да кому ты нужна?! – прошипела она, становясь еще больше похожа на ядовитую змею.

– Надеюсь, никому.

– Ты здесь лишняя.

Это я уже поняла, но отступить поздно.

– Все? С нравоучениями закончено? Я теперь могу спокойно поесть?

– Конечно, Анечка, – пропела она и прежде, чем я успела среагировать, выплеснула содержимое своего стаканчика мне на грудь. Зашибись. Кофе да на любимый бежевый джемпер. – Будешь знать, где твое место, выскачка, – победно фыркнула она, а Марина за ее спиной, по-моему, просто обкончалась от восторга. Ирка смерила меня пренебрежительным взглядом и, брезгливо сморщив точеный носик, произнесла: – А теперь иди отсюда и больше не смей попадаться мне на глаза!

– Непременно. Вот только должок верну, – и с этими словами вылила остатки своего кофе прямо в открытую сумку, которая висела у нее на сгибе локтя.

– Ты что творишь, сучка?! – заверещала Ирка, отскакивая в сторону, и тут же полезла дрожащими ручками в недра своего ридикюля, пытаясь спасти барахло.

– Не переживай. Там чуть-чуть. Самое вкусное, так сказать, – демонстративно выкинула стаканчик из-под кофе в мусорную корзину и пошла к выходу. – Ничего для тебя не жалко. Наслаждайся.

– Да я тебя!..

– Да-да, я поняла. Кипятком забрызгаешь, – отмахнулась, не оборачиваясь.

И, конечно же, мне на пути попался он! Меранов! Они с Волшиным как раз возвращались с перекура, и меня угораздило столкнуться с ними в дверях. Захар глянул на меня, на пятно, расплывшееся на светлом джемпере, потом на свою зазнобу, истерично вопящую проклятия мне вслед, и нахмурился.

– Что стоишь? – произнесла с вызовом. – Беги, спасай. У твоей принцессы проблемка нарисовалась. Кофе пролился.

Проскочила мимо него и, как пробка из бутылки, вылетела на улицу.

Меня. Все. Задолбало.

Это сложно. Это реально очень сложно, когда все против тебя. Когда ты заходишь в комнату и получаешь только холод, приправленный изрядной долей негатива. Одни шипы и никакой поддержки.

Да, я нашла общий язык с тихоней Ермолаевой. Ну и что с того? Она не из тех, кто будет стоять за спиной и подавать патроны, когда весь мир ополчился. Она сама выживает, предпочитая притворяться ветошью и отсиживаясь по углам. Быть такой же я никогда не смогу. Не мой вариант.

Я не из тех, кто убивается по поводу отсутствия друзей или боится выйти из дома без толпы однокашников. Я всегда была сама по себе. В стороне и в людях, как любит говорить отец. Но вот объектом травли стала впервые. Чертовски неприятно. И даже с моими стальными нервами это выводит из себя. Когда каждый день как на иголках и отовсюду ждешь подвоха, внутри что-то ломается. Хочется орать и топтать ногами, некрасиво кричать и обзываться, а именно этого делать и нельзя. Дашь слабину, покажешь, что они тебя зацепили – и все, жизни не будет.

Чего они все ко мне лезут? Я не напрашиваюсь в друзья, не сую свой нос, куда не надо. Да, не молчу, как овца, если задевают, но первой ни на кого не нападаю, права не качаю. Мне нет ровным счетом никакого дела до своих одноклассников. Так почему же в ответ они не могут поступить так же? Почему просто не могут оставить меня в покое и дать спокойно доучиться эти несколько несчастных месяцев?

Ответ прост. Мерз. Он и его дурацкий спор, ставший причиной первоначального конфликта. Если бы не это – все было бы проще. Или если бы я смогла тогда смолчать, проглотить, прогнуться, чтобы погасить разгорающийся пожар.

Теперь поздно. Он поспорил. Я не смолчала. В результате имеем то, что имеем.

Правильно говорят, случайные связи до добра не доводят. От них одни проблемы и головная боль.

Мне нужно было как-то отвлечься, пока не сорвалась и не наделала глупостей, о которых потом буду жалеть. Хотя на что-то переключиться, чтобы не думать о творившемся вокруг меня дерьме.

Выход нашелся.

При универе в одном из подвалов располагался тренажерный зал. Здесь пахло побелкой, конюшней и техническим маслом. В небольшом, отделанном потрескавшимися рейками помещении ютились полтора десятка старых тренажеров. Таких не встретишь в современном фитнес-центре, это brutальные мастодонты из прошлого – тяжелые, неказистые. Никакого пластика, только металл, только хардкор. Самое то, чтобы согнать с себя тоску, навеянную общением с одноклассниками.

Поэтому вечером, после стычки с Ириной, я собралась и пошла тягать железо.

Кроме меня, в зале почти никого не было. Трое незнакомых парней, которые после каждого упражнения гордо прохаживались перед зеркалом, потиравая весьма неплохими бицепсами. Парнишка, который, похоже, не догадывался, что для гармонии надо качать не только верх, но и низ, поэтому выглядел весьма странно – здоровенный торс, на чахлах ножках. Пара девчонок с первого курса. Они как синички метались по залу, больше стараясь привлечь внимание противоположного пола, чем занимаясь.

Я же подошла к делу обстоятельно. На каждый тренажер три подхода по двадцать раз. Вся растрепалась, запыхалась, вспотела, как лошадь. Руки-ноги дрожали, но зато в голове не осталось места для неприятных мыслей. Тело гудело, дорвавшись до тренировки, а я даже почувствовала себя чуточку счастливой. Эндорфиновый всплеск.

Может, все не так уж и плохо? Может, все наладится?

Ага. Размечталась.

Я как раз делала сгибание ног лежа, когда прямо надо мной раздался знакомый голос:

– Отлична корма, Оса!

Что?! Опять?!

Я аж дернулась и резко опустила валики. Стержень с громким лязгом ударился по железным блинам, громыхнув на всю тренажерку.

– Волшин, ты меня преследуешь, что ли? – оттолкнувшись от лавки, я так резко села, что в голове зашумело.

– Даже не думал. Просто мы здесь часто по вечерам зависаем.

– Мы? – обернувшись, увидела Меранова. Он стоял у зеркала и медленно наматывал на кулак эластичный бинт, не отрывая от меня волчьего взгляда.

Зашибись потренировалась.

Самое неприятное, что я даже не заметила, когда ушли все остальные. В зале осталась только я и два этих придурка.

Пора сваливать. И, судя по пристальному взгляду Мерза, чем быстрее, тем лучше.

Бодро спрыгнула с лавочки и шагнула к дверям, но уйти не удалось. Марк перегородил мне дорогу.

– Куда торопишься, Оса?

– Обратно в гнездо, – огрызнулась и попыталась проскочить мимо него.

Он снова остановил, перехватил поперек талии.

– Слушай, а ты такая ладненькая, – одобряюще кивнул и бесцеремонно потянул за край майки, – пресс покажи.

– Волшин, отвали! – ударила его по руке.

– Что такого? – рассмеялся он. – Оставайся. Будет весело. Обещаю, не обидим.

А у самого ухмылка такая, что мороз по коже. Они оба – здоровенные кони, не отягощенные моралью и здравым смыслом, а я одна. И вряд ли кто-то прибежит с верхних этажей, чтобы постоять за мою девичью честь.

– Ну так что? Останешься? – шаг в мою сторону, и я невольно отступаю. Пячусь до тех пор, пока не натыкаюсь спиной на один из тренажеров, – будет интересно.

– Не вижу ничего интересно в приставучем бабуине, – уперлась руками ему в грудь, потому что эта скотина явно не собиралась останавливаться и надвигалась на меня, как гора.

– Страшно? – зловещим шепотом спросил он, склоняясь ниже ко мне.

В этот момент я думала о том, как бы поудачней прицелиться и засадить ему коленкой между ног, и хватит ли мне времени сбежать, пока он будет разгибаться. Пересеклась взглядом с мрачным Захаром и поняла, что не хватит. Не будет у меня никакого времени.

– Ну так что? – спросил Марк.

– Что? – глупо переспросила, потому что стоило только посмотреть Меранову в глаза, как у меня снова случилось временное помутнение рассудка. Дыхание сбилось, мысли поплыли. – Извини, прослушала, что ты там мямлил.

– Ну ты даешь, Осипова! – почти восхищенно присвистнул он. – Хотя бы испугалась, что ли, для приличия. Всплакнула.

– Мечтай больше, – снова безуспешно попыталась оттолкнуть его, а бугай, наоборот, ухватил меня за талию и дернул к себе, так что впечаталась носом в грудь.

– Чем больше ты дергаешься, тем меньше хочется отпустить, – произнес, задумчиво скользя взглядом по моему лицу. Такая смена настроения мне не понравилась. Меранов тоже смотрел, не отрываясь. И злился. Краем глаза я видела, как сжимаются его кулаки.

– А девочка-то поплыла. Задышала.

Задышишь тут. Только вот Марк к этому не имел никакого отношения. Все дело в Меранове. Я кожей чувствовала его взгляд. Мне даже казалось, что я чую его запах, ощущаю, как гулко бьется сердце. Идиотка.

– Пусть проваливает, – раздался равнодушный голос Мерза, – я пришел тренироваться, а не смотреть на вот это вот все.

– С ней веселее, – Волшин продолжал меня удерживать, но хватка чуть ослабла.

– Пусть. Проваливает, – с нажимом, сквозь зубы.

– Как знаешь, приятель, – Марк демонстративно поднял руки вверх и отступил, а я, не теряя времени даром, проскочила у него под боком и бросилась наутек.

Я натянула сапоги прямо на спортивные леггинсы, накинула сверху куртку и, кое-как заправив свое барахло в рюкзак, ринулась прочь из раздевалки. За стенкой слышались голоса и смех парней. Я не могла разобрать ни слова, но подозревала, что разговор идет обо мне. Или просто разыгралась паранойя. Не думаю, что я так интересна Мерзу и его приставучему приятелю, чтобы они тратили свое время на обсуждение меня.

Спустя минуту уже выскочила из здания универа и, на ходу натягивая шапку, поспешила в общагу. Совсем не по-весеннему студёный ветер забивался под пуховик, щипал коленки, прикрытые тонкой синтетикой, кусал за нос. В этом году зима никак не хотела сдавать свои позиции, хотя на календаре уже была середина марта, синоптики, обещавшие раннюю весну, снова обманули.

Впрочем, именно в этом году у меня совершенно не было ни настроения, ни того самого томительного предвкушения, что охватывало изнутри, стоило только почувствовать приближение настоящей весны. Да и какое может быть настроение, когда кругом одни проблемы и просвета не видно?

Мерз – вампирище поганый – питается моей энергией, Волшин одолел, группа задолбала, проблемы с учебкой так и не решены. Ладно, хоть дома есть шоколадка. Хоть что-то приятное в этой жизни.

Бежать до общаги недолго. Всего пять минут, но я продрогла так, что зуб на зуб от холода не попадал. Где-то в недрах сумки настойчиво гудел телефон, но я за ним не полезла, не хотелось останавливаться, снимать тонкие перчатки, искать его. Все подождет до дома.

Телефон снова загудел. И снова.

Кто там такой настойчивый?

В вестибюле меня остановил громогласный вопль Анфисы.

– Осипова!

Я аж споткнулась от испуга. Этой-то что от меня надо?

Анфиса – рыхлая тетка в серой шерстяной кофте и сланцах поверх пестрых носков. С темными коротко стриженными волосами и такой хмурой физиономией, будто унюхала запах свежего помета. По крайней мере, меня она всегда встречала именно с таким выражением лица, и сегодняшняя встреча не исключение.

– Здравствуйте, Анфиса Аркадьевна, – подошла к ней и попыталась заискивающе улыбнуться.

Попытка тут же провалилась. Я была настолько взвинчена, что вместо улыбки получился оскал маньяка-психопата.

– Ты совсем обнаглела, Осипова?! – набросилась она, наплевав на мое приветствие.

– Вроде нет.

Я смотрела на ее пылающее праведным гневом лицо и судорожно соображала, где могла проколоться. Вроде никаких косяков за мной нет.

– Вроде нет? – она чуть ли слюнями в меня не брызгалась.

– Да что случилось-то? – спросила устало, чувствуя, как у меня внутри градус кипения повышается.

Как меня все заколебало!

– Ты еще спрашиваешь, что случилось?!

– Ну да.

– Вот это, по-твоему, нормально?! – комендантша схватила меня под руку и буквально волоком подтащила к стене, на которой криво висела доска объявлений, и чуть ли не ткнула меня в нее носом.

А там...

Яркой скрепкой был приколот лист формата А4, а на нем напечатанное объявление.

«Скрашу досуг. Любые фантазии. Недорого. Анечка». И в конце жирным шрифтом мой номер телефона.

Да какого хрена?! Я сорвала с доски проклятую бумажку и смяла ее в кулаке.

– Это не я...

– Что за студентка такая появилась, – негодовала комендантша, – только въехала и уже творит не пойми что! Совсем распоясалась в своей столице!

– Да не мое это объявление! – в сердцах воскликнула я, пытаюсь оправдаться.

Впрочем, безуспешно. Меня никто не собирался слушать.

– В общем, так. Если еще раз увижу такую порнуху – пойдешь к ректору по докладной. Проституток в своей общаге не потерплю!

Простите, но это просто пипец.

Когда я входила в лифт, меня аж трясло от злости.

Какая зараза это сделала? Ассенизаторша? Ее подружки? А может, Мерз? Или его любимая Ирочка? В голове миллион мыслей и ни одной стоящей. Все они разбивались о стену собственного бессилия. Это просто невыносимо.

Когда я подошла к своей комнате, меня ждал очередной «приятный» сюрприз – еще одно объявление, приляпанное скотчем к двери. «Шлюха. Даю, беру и подставляю. Дешево и сердито. Налетай». Снова номер телефона, а чуть ниже моя фотка, распечатанная на черно-белом принтере. У меня слов не было. Я просто стояла и смотрела на эту гадость. Дышать получалось только через раз, а внутри все кипело, бурлило от обиды, злости, несправедливости.

Сорвала очередной листок, очерняющий мою репутацию, и вломила в свою комнату, хлопнув дверью так, что, наверное, было слышно на первом этаже. Плевать.

Телефон в кармане по-прежнему не умолкал. И я уже догадывалась, что там такое.

Потенциальные клиенты, мать их.

Масштаб катастрофы я оценила, когда достала вибрирующую мобилу и разблокировала экран. Десятки звонков с незнакомых номеров, а сообщений вообще под сотню. И в каждом сплошное непотребство. Вопросы: сколько стоит час, даю ли я в зад, можно ли позвать меня на мужскую вечеринку. Еще больше пошлых подколов, а кое-где и фотографии вздыбленных кудрявых огурцов, ждущих разрядки.

Я со стоном опустилась на кровать и уткнулась лицом в ладони. Жесть какая-то творится. Самая настоящая жесть. И деваться уже некуда. Сама перевелась в этот ад, думая, что тут обрету свободу. Ага. Обрела. Геморрой и вечную головную боль.

Себя я жалела полчаса. Не меньше. Сидела, не шевелясь, закрыв глаза, слушая, как нервно бьется сердце в груди. Надо что-то делать. Как-то исправлять. Узнать бы, кто это дерьмо подстроил. К сожалению, по распечатанному тексту личность не установишь, но должна же быть зацепка. Я достала из кармана два скомканных листа. Объявление с доски ничего полезного сказать не могло, а вот то, что висело у меня на двери – вполне.

Там была моя фотография. Возле буфета. Судя по одежде, она была сделана именно сегодня.

А кто мне встретился у буфета?

Правильно, Ирка.

Вот и ответ. Осталось только решить, что с этим ответом делать.

– Привет.

– Осипова, ты, что ли?! – раздался в трубке изумленный голос Юрки.

– Я. Как дела, Пупсик?

Дело вовсе не в том, что у нас с Юркой были какие-то неформальные отношения. Никак нет. Просто у него фамилия такая смешная – Пупсиков. И звали его чаще всего не по имени Юрой, а Пупсом, Пупсиком, Пупсяшкой, Пупсяндрием, и дальше в том же духе – кто на что горазд.

Парень не обижался. Он из тех, кто умудрялся находить плюсы в любой ситуации. И кстати, он мой одноклассник. К сожалению, бывший.

– Ты, куда сорвалась?! Мы все в шоке! Вышли после сессии, а тебя и след простыл!

– Пришлось переехать, – уклончиво ответила.

– За полгода до защиты?

– Так обстоятельства сложились.

– Не могла отложить свои обстоятельства до конца учебы? Немного ведь оставалось.

– Прости. Не хочу об этом говорить. Неприятная тема.

– Еще бы она была приятная, – невесело усмехнулся он. Замолчал на миг, а потом добавил. – Наши обрадуются, когда скажу, что ты звонила.

Наши. Аж под ребрами защемило. Когда-то я училась в нормальной группе, а не в том паноптикуме, что сейчас. Да... Как давно это было.

– Не обязательно что-то говорить.

– Играешь в партизанок? – тут же встрепенулся он. – Смотрю, и номер сменила, и в сетях тебя нет совсем. Прячешься?

– Типа того.

– Ты всегда была немного того... с огоньком! – хохотнул он.

– Поверь, такая же и осталась. Года идут, а дурь все та же, – я тоже не смогла сдержать вымученной улыбки.

– Как устроилась на новом месте?

Соврать или нет? Не буду.

– Отвратительно.

– Что не так? – он тут же стал серьезным.

– Представляешь, Юр, я тут стала объектом буллинга.

– Ты?! – он проорал это так громко, что пришлось отодвигать трубку от уха, чтобы не оглохнуть. – Да быть такого не может.

– Еще как может. По этому поводу, собственно говоря, и звоню.

– Так, – Пупсик перешел на деловой тон, – что от меня нужно?

– Достань мне, пожалуйста, номерок одной заразы. А еще лучше организуй так, чтобы все вызовы с моего номера шли на ее.

– Без проблем. Что она сделала? Выставила твой номер на авито? И теперь тебе звонят таджики с предложением купить помидоры?

– Угадал. Теперь хочу, все это дерьмо ей обратно скинуть. И мне бы еще как-то ее прижать. Только пока не могу придумать как. Фантазия не работает.

– Это ты по адресу обратилась. Я – мастер по пакостям. Бойтесь все, Пупс выходит на тропу войны!

– Дурень, – рассмеялась я.

– В общем, не парься, Ань. Завтра с утра все будет.

– Спасибо, Юр.

– Для тебя все что угодно. Скидывай инфу по своей террористке, будем воспитывать.

После разговора мне стало немного легче. Я посидела, погрузила еще немного, а потом завалилась с книгой на кровать. И пусть весь мир подождет. Только телефон выключила, потому что нескончаемые звонки давили на нервы.

И вот очередное нудное утро, когда хочется залезть поглубже под одеяло и носа оттуда не показывать, а вместо этого приходится собираться и идти в универ, где снова поджидают любимые одноклассники. Еще никогда я так не жалела, что уехала из столицы и оказалась в этой дыре. Но делать нечего. Вперед и с песней. Как всегда.

В аудитории почти никого не было. Только Ирка с подругами. То, что надо.

При моем появлении раздалась смешка, и я удостоилась целого вороха насмешливых взглядов. К счастью, сегодня меня это уже мало беспокоило. У меня было чем ответить на этот низкий выпад.

Верховцева даже скрывать не стала, что это ее рук дело.

– Осипова, как бизнес продвигается? Уже разбогатела? – ехидно поинтересовалась она так громко, чтобы все слышали.

– Какой?

– Ну как же, – снова гадкая усмешка, – перед мужиками ноги раздвигать.

– Ах, ты про это, – со скучающим видом отмахнулась от нее и села за парту, – отлично. – Всю ночь пахала, не покладая рук. Ног. И прочих частей тела. Аж натерла. Еле сижу. Хочешь, покажу?

У Ирки нервно дернулась щека.

– ...Столько клиентов, просто отбоя нет, – продолжала я, доставая мобильник из кармана, – вот решила с тобой поделиться и поставить переадресацию на тебя.

– Ха! Можно подумать, ты мой номер знаешь.

– Восемь девятьсот двадцать... – и дальше по порядку.

– Откуда?

– Ириш, что ты как дикая? – произнесла снисходительно, обращаясь как к маленькой, бестолковой девочке. – Мы живем в век цифровых технологий. Или думаешь, что ты мой номер узнать могла, а я твой нет?

– И что с того? – надменно фыркнула она. – Переадресацию без моего согласия поставить нельзя.

– Уже поставила, – с ласковой улыбочкой ответила я.

Юрка уже обо всем позаботился, мне оставалось только ткнуть на волшебную кнопку... И в тот же миг телефон у Ирки заголосил, оповещая о входящем сообщении.

– Не благодари.

Пусть теперь ее этой пошлятиной закидывают.

– Дрянь, – прошипела она, хватаясь за мобильник, – я убью тебя!

– Непременно, но позже, а пока просто хочу предупредить: еще одна такая выходка с твоей стороны, и твои фотографии в стиле «ню» разлетятся по всем соцсетям, окажутся на всех сайтах интимных знакомств. И не только. Думаю, твоим родителям и всем родным тоже очень понравятся фотосессии дочери.

– Нет у меня таких фотосессий! – рявкнула она, не отрываясь от телефона. Сообщения все приходили и приходили.

– Есть. Папка со скромным названием «Курсовые».

Верховцева дернулась и вскинула на меня изумленный взгляд:

– Откуда...

У нее глаза стали огромные-преогромные, а лицо вытянулось так, что стало похоже на лошадиную морду.

– Оттуда.

Пупсик не просто друг. Пупсик – чокнутый хакер, которого хлебом не корми, дай в чужом белье поковыряться. Он за ночь такого компромата накопал, что эту сучку запросто прижать можно.

В этот момент дверь распахнулась, и в аудиторию вошла гадкая троица – Марк, Игорь и, конечно же, Мерз. Без него никак. С его появлением сердце снова начало биться, как сумасшедшее, и мое непробиваемое спокойствие дало трещину. Дальше строить из себя мисс Непобедимую не было никакого желания. Да и сил тоже.

– Надеюсь, мы друг друга поняли? – напоследок бросила Ирке и отвернулась, чтобы не видеть их страстного приветствия.

– В чем дело? – прохладно поинтересовался Захар, проходя мимо меня, будто мимо пустого места.

– Ничего, – голос у Верховцевой был немного истеричный, но она пыталась улыбаться, – обсуждали кое-что.

– Что?

– Не скажу. Это только между нами девочками.

Я чувствовала на спине тяжелый внимательный взгляд Мерза, но так и не смогла найти в себе силы обернуться и посмотреть в ответ.

Глава 6

Неделя прошла. Кое-как со скрипом. Даже не прошла, а проползла в каком-то томительном мрачном ожидании.

Ирка притихла. До этой курицы дошло, что, во-первых, у меня за спиной есть люди, которые в случае чего могут помочь, а во-вторых – я настроена решительно, и если потребуется вывалить на обозрение ее грязное белье – сделаю это, не раздумывая. Мне терять нечего, и покорно терпеть издевательства не собираюсь.

Остальные одноклассники продолжали кусаться, как москиты, пытающиеся ухватить за ногу. Громко, бестолково и трусливо. Цыкнешь в ответ, скажешь что-нибудь – и все, сразу затыкаются. Особенно если вывернуть так, что другие над ними же начинают смеяться. Работать бесплатным комиком мне порядком надоело, но лучше уж так, чем молча проглатывать.

Волшин... Отдельная тема. Он так и продолжал виться вокруг меня. Куда ни повернешься – везде его ухмыляющаяся физиономия. Тоже издевался, но по-другому. В его глазах я видела интерес. Искренний, неподдельный, он явно получал удовольствие от наших пикировок, а еще постоянно пытался облапать, зажать где-нибудь. Неандерталец хренов. Самец! Правда, надо отдать ему должное, он никогда не присоединялся к коллективной травле, предпочитая изводить меня в индивидуальном порядке. По-моему, я ему нравлюсь. И по-моему, ему не нравится, что Мерз первым ко мне покати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.